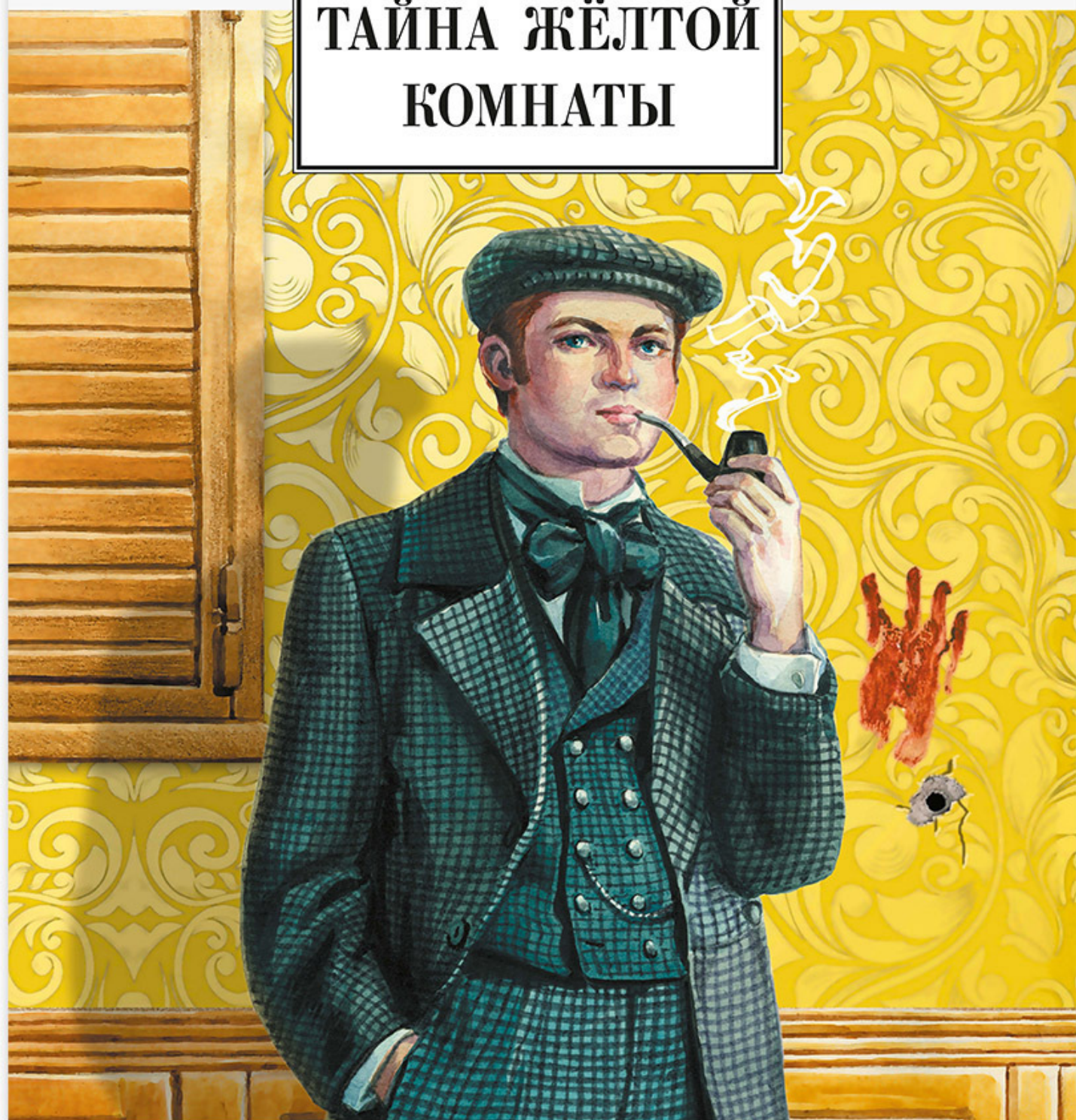

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Гастон Леру
**ТАЙНА ЖЁЛТОЙ
КОМНАТЫ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Гастон Леру

Тайна желтой комнаты

Издательство «Детская литература»

1907

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4 Фр)-44

Леру Г.

Тайна желтой комнаты / Г. Леру — Издательство «Детская литература», 1907 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-006948-2

Нападение на мадемуазель Матильду Станжерсон потрясло всю Францию. Дочь известного профессора, работающего над доказательством распада материи, ранена в голову в собственной комнате, расположенной во флигеле старинного замка Гландье. Загадка состоит в том, как преступник исчез из комнаты, ведь дверь была закрыта мадемуазель изнутри, как и ставни единственного окна. Подпола, люка на чердак или любого другого выхода полиция не обнаружила... Найти ключ к этой тайне берется молодой репортер Жозеф Рультабий, склад ума которого вызывает восхищение коллег. «Тайна Жёлтой комнаты» стала классикой детективного жанра. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4 Фр)-44

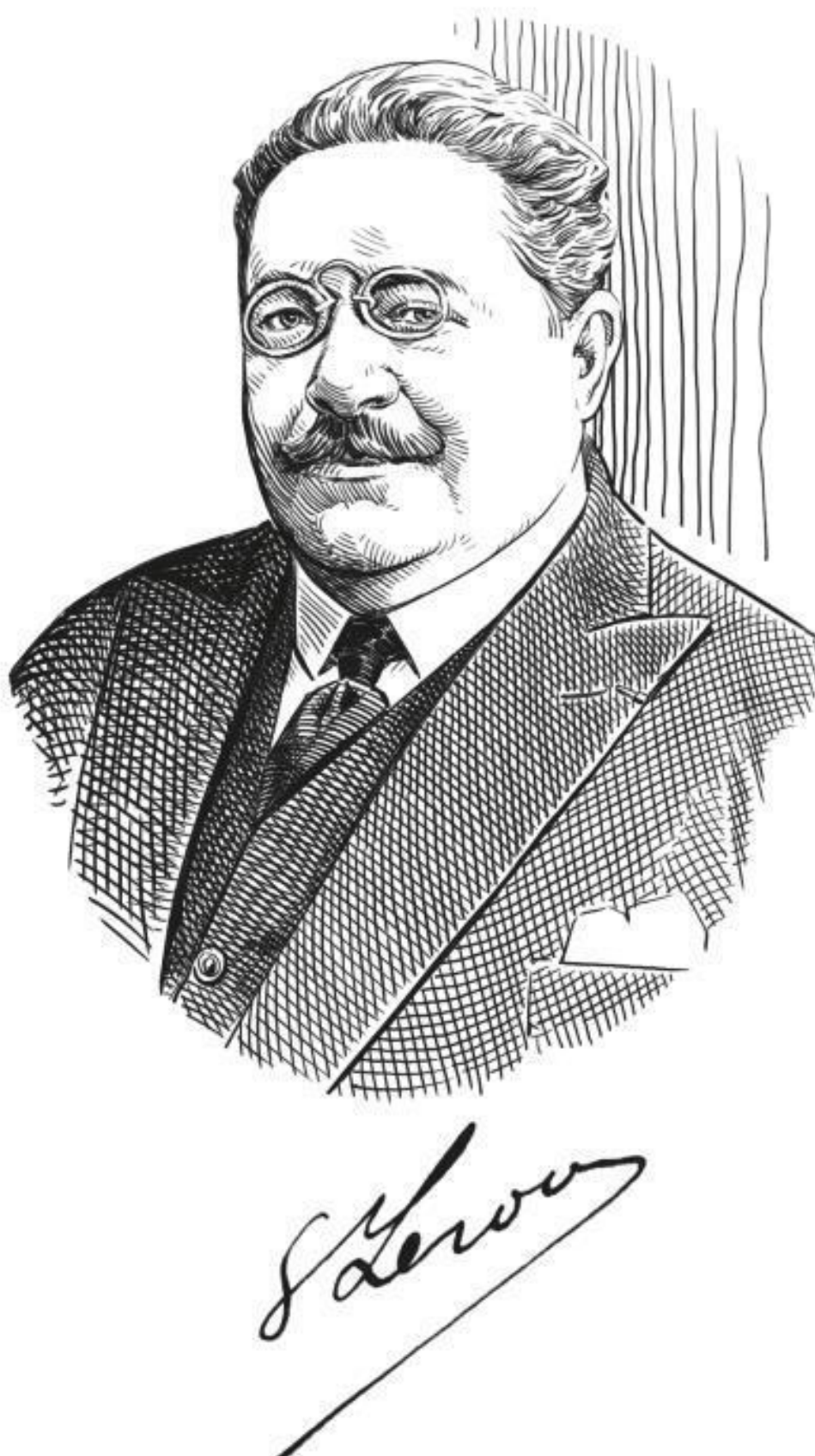
ISBN 978-5-08-006948-2

© Леру Г., 1907
© Издательство «Детская литература», 1907

Содержание

Гастон Леру – весельчак, гурман и честный журналист	7
Тайна Жёлтой комнаты	10
Глава I	11
Глава II,	18
Глава III	22
Глава IV	28
Глава V,	31
Глава VI	36
Глава VII,	45
Глава VIII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Гастон Леру Тайна Жёлтой комнаты

1868–1927

Перевод с французского Н. Световидовой

Художник А. Клепаков

© Световидова Н. А., перевод, 1990

© Клепаков А. И., иллюстрации, 2022

© Оформление серии, предисловие. АО «Издательство «Детская литература», 2022

Гастон Леру – весельчак, гурман и честный журналист

Имя Гастона Леру в России зачастую связано только с его знаменитым романом «Призрак Оперы», однако во Франции этот писатель считается одним из зачинателей французского детективного жанра. Во время выхода в свет цикла о репортере и сыщике-любителе Жозефе Рультабии популярность его была огромна. Да и сейчас произведения Леру по-прежнему востребованы на его родине. Познакомимся с этой неординарной личностью и мы.

Гастон Луи Альфред Леру родился 6 мая 1868 года в Париже. После учебы на юридическом факультете Парижского университета он около трех лет служил адвокатом. Однако довольно быстро понял, что ему ближе литературный труд. Еще будучи студентом, Леру пробовал себя в разных жанрах: писал трагедии, новеллы, лирику. В 1894 году для вечерней газеты «Париж» он создает серию ярких репортажей о деле анархиста Огюста Вайана, бросившего бомбу в палате депутатов французского парламента. Благодаря этому Леру приглашают сотрудничать с одной из ведущих парижских газет – «Матен». Здесь он по-прежнему блестяще освещает судебные процессы, а в 1901–1902 годах является также театральным критиком. Леру так озвучивает свое журналистское кредо: «Журналист может иметь множество грехов, но он должен уметь видеть, слышать, знать, догадываться, выбирать, писать и быть честным».

Писатель, нобелевский лауреат Альбер Камю назвал Леру «историком мгновения». Его журналистский дар – воспроизводить точным словом все происходящее – снискал ему славу. И в 1902 году за заслуги в области прессы Леру был награжден орденом Почетного легиона.

По заданию редакции газеты «Матен» Леру четыре раза бывал в России (1897, 1902, 1904 и 1905 годах). Отсюда он шлет в газету множество репортажей (объединенных после его смерти

в сборник «Агония белой России», 1978); в Санкт-Петербурге родился и его старший сын, Андре Гастон Леру (1905–1970). «Русская тема» дала писателю сюжеты для романов «Черные невесты» и «Рультабий у царя».

Леру вообще был неутомимым путешественником. Остров Мадера, Рим, Кёнигсберг, Египет... Именно в Порт-Саиде Леру берет интервью у русских моряков и рассказывает о героизме матросов и офицеров при гибели крейсера «Варяг» в начале Русско-японской войны (1904). Этот репортаж произвел впечатление на императора Николая II, и Леру получает в награду орден Святой Анны.

В 1897 году у Леру выходит первый роман «Человек ночи», но об этой публикации мало что известно. А вот его следующий фельетон представляет собой своего рода квест, или, как раньше говорили, роман-конкурс. «Охотники за сокровищами» публиковались в газете «Матен» в 1903 году. По рассеянным в тексте указаниям читатели искали спрятанные в разных частях Парижа серебряные медали. Основной приз составлял огромную по тем временам сумму в 25 000 франков и не только «подогревал» интерес к сюжету, но и увеличивал тираж газеты. (Впоследствии роман был издан отдельной книгой под названием «Двойная жизнь Теофафа Лонге», где были исключены элементы конкурса.)

Вообще все произведения Леру относятся к типу так называемого «романа-фельетона» (когда литературное произведение начиналось в нижней части полосы издания – «подвале» – и печаталось главами в каждом следующем номере). Впоследствии, трансформировавшись в литературный жанр, фельетон сохранил свои изначальные законы. Например, сюжет непременно должен быть увлекательным, объем – значительным, и, пожалуй, самое важное – отрывок должен оканчиваться напряженной концовкой, своего рода зацепкой, чтобы читатель с нетерпением ждал продолжения. Может быть, поэтому и сейчас романы о сыщике-любителе Жозефе Рультабий по-прежнему интересны.

Особая популярность выпала на долю романа «Тайна Желтой комнаты», главы которого выходили на страницах литературного приложения к журналу «Иллюстрасьон» с 1907 года. Роман считается одним из наиболее талантливых произведений автора.

В замке Гландье совершено ужасное покушение на мадемуазель Матильду Станжерсон, дочь известного ученого. Открыть правду берется молодой репортер Жозеф Жозефен, по прозвищу Рультабий (на момент повествования ему всего 18 лет). Здесь Леру бросает вызов своим предшественникам в жанре детектива – Эдгару По и Артуру Конан Дойлу. Выбирая наиболее сложный для разработки сюжет – преступление в закрытом пространстве, – он придумывает блестящую, остроумную разгадку.

Нет сомнения в том, что Рультабий – alter ego автора и одновременно собирательный образ журналиста того времени. Вот что сам Леру пишет об этом: «Сидя у себя в кабинете в редакции „Матен“, Рультабий, задумал я тебя. Ты тот тип человека, который всегда рядом со мной... Красивый, молодой, пылкий, спортивный... Все журналисты, окружавшие меня, были интеллигентные, проникательные, храбрые люди, всегда готовые принять участие в каком-нибудь приключении, и очень честные! И талантливые к тому же!..» (Не даром, видимо, роман «Тайна Желтой комнаты» посвящен журналисту Роберу Шарвэ, секретарем которого начинал свою карьеру Леру.) Чувствуется в этом образе и влияние самого знаменитого литературного детектива – Шерлока Холмса. Много аргументов на этот счет выдвинули специалисты. Мы предлагаем читателю положиться на собственную наблюдательность и проследить за диалогом Леру и Конан Дойла самостоятельно. Это ли не составляет истинного удовольствия от чтения?

Как это характерно для романа-фельетона, повествование о Рультабий не заканчивается с последней страницей «Тайны Желтой комнаты». Приключения полюбившегося читателям персонажа продолжают в следующих книгах. Цикл «Необычайные приключения Рультабия, репортера» включает в себя восемь романов. Помимо «Тайны Желтой комнаты» и «Духов дамы в черном» (1908), в него входят «Рультабий у царя» (1913), «Черный замок» (1914),

«Странная свадьба Рультабия» (1914), «Рультабий у Круппа» (1917–1918), «Преступление Рультабия» (1921), «Рультабий у цыган» (1922). При этом «Черный замок» и «Странная свадьба Рультабия» самим автором объединены в диологию «Рультабий на войне» (имеются в виду события Балканской войны 1912–1913 годов)¹.

Помимо «Рультабийаны» значительное место в творчестве Леру занимает цикл «Шери-Биби» – о каторжнике, бежавшем из тюрьмы, защитнике униженных и угнетенных. Цикл публиковался с 1913 по 1925 год. Образ главного героя романов, несомненно, перекликается с образом Жана Вальжана из эпопеи Виктора Гюго «Отверженные».

«Призрак Оперы» увидел свет в 1910 году. Переосмыслив сюжет «красавицы и чудовища», Леру создал мировой бестселлер. Сочетающиеся в нем элементы готического, любовного и детективного романа с элементами мистики до сих пор держат в напряжении читателя.

Помимо перечисленных есть у Леру и другие романы, впрочем даже не все упомянутые можно прочесть на русском языке, они ждут своего переводчика.

Гастон Леру умер 15 апреля 1927 года. Он был неординарным человеком. Будучи автором ярких репортажей обо всех значительных событиях эпохи рубежа веков, увлекательных романов и пьес, он также являлся одним из основателей Общества кинороманов. К слову, именно этим Обществом была осуществлена самая первая экранизация романа о Шери-Биби (под названием «Новая заря», 1919). Современники запомнили Леру гурманом и весельчаком, любящим жить на широкую ногу, он был, что называется, душой компании. А его «Тайна Желтой комнаты» осталась в истории мировой литературы одним из самых выдающихся французских детективов XX века.

В книге, которую вы держите в руках, текст романа печатается в переводе Нины Алексеевны Световидовой. Глубокие знания культуры Франции и стиля эпохи позволили ей не только мастерски перевести языковую игру, отразить атмосферу рубежа XIX и XX веков, но и максимально приблизить читателя к пониманию авторского замысла Гастона Леру.

Светлана Стогова

¹ Сведения о работе Леру над романами «Рультабийаны», как и много другой ценной информации о жизни и творчестве автора, читатель может почерпнуть из основательного труда доктора филологических наук К. А. Чекалова «Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период „прекрасной эпохи“» (Дело, 2018).

Тайна Жёлтой комнаты

Роберу Шарвэ

Благодарное воспоминание о раннем детстве Рультабия.

С любовью

Гастон Леру

Глава I

В которой начинаешь ничего не понимать

Не без некоторого волнения начинаю я повествование о необычайных приключениях Жозефа Рультабия, который до сего дня решительно противился этому, так что в конце концов я уже отчаялся рассказать когда-нибудь об одной из любопытнейших полицейских историй последних пятнадцати лет. Мне даже думается, что широкая публика так никогда и не узнала бы *всей правды* об этом удивительном деле, известном под названием «Желтая комната» и породившем столько таинственных, жестоких и поразительных драм, к которому мой друг имел самое непосредственное отношение, если бы по случаю недавнего награждения знаменитого Станжерсона орденом Почетного легиона одна вечерняя газета не поместила жалкую в своем неведении или исполненную дерзкого вероломства статью, воскрешавшую ужасную историю, которую, по словам самого Жозефа Рультабия, лучше было бы навсегда предать забвению.

«Желтая комната»!.. Кто помнит теперь об этом деле? А ведь пятнадцать лет назад из-за него пролилось столько чернил! В Париже так быстро все забывается! Разве не канули в вечность само название «Найский процесс» и трагическая история гибели малыша Меньальдо? А между тем в ту пору общественное мнение было буквально приковано к судебному разбирательству этого дела, и потому даже разразившийся тогда правительственный кризис прошел никем не замеченным. Так вот, процесс по делу «Желтой комнаты», предшествовавший Найскому процессу, наделал еще больше шума. Весь мир в течение долгих месяцев бился над решением непостижимой загадки – самой непостижимой, насколько я знаю, из всех, когда-либо предложенных нашей полиции и посланной, казалось, для испытания ее проницательности и совести наших судей. Решения этой вызывающей полную растерянность загадки искали все. Это был своего рода драматический ребус, над которым усердствовали и старушка Европа, и юная Америка. Ибо в действительности – я могу себе позволить такое замечание, не опасаясь оскорбить авторское самолюбие, так как всего лишь излагаю факты, на которые мне помогут пролить свет исключительные документы, коими я располагаю, – так вот, в действительности ни реальная жизнь, ни воображение, даже если обратиться к автору «Убийства на улице Морг» или к изобретательным последователям Эдгара По, а то и к ярким подражателям Конан Дойла, не могут подсказать что-либо подобное этой тайне, естественной тайне Желтой комнаты.

И представьте себе, разгадку, которую никто не мог отыскать, предложил нам юный Жозеф Рультабий, а было ему в то время всего восемнадцать лет, и работал он скромным репортером в одной солидной газете. Однако, когда он явился в суд с ключом от этой тайны, он рассказал не всю правду, а только то, что требовалось для того, чтобы «объяснить необъяснимое» и оправдать невиновного. Причины, заставлявшие его тогда молчать, сегодня исчезли. Мало того, теперь мой друг просто обязан говорить, и потому вы узнаете всё. Так что без дальнейших предисловий я изложу вам загадку Желтой комнаты в том виде, в каком она предстала перед всем миром на другой день после несчастья, случившегося в замке Гландье.

25 октября 1892 года в последнем выпуске газеты «Тан» появилась заметка следующего содержания:

«Ужасное преступление совершено в замке Гландье, расположенном над Эпине-сюр-Орж, на опушке леса святой Женевьевы. Минувшей ночью, в то время, когда хозяин замка, профессор Станжерсон, работал в своей лаборатории, кто-то пытался убить мадемуазель Станжерсон, отдыхавшую в комнате, прилегающей к этой лаборатории. Врачи не ручаются за жизнь мадемуазель Станжерсон».

Вообразите себе волнение, охватившее Париж. Уже в ту пору ученый мир с огромным интересом следил за работами профессора Станжерсона и его дочери. Это были первые исследования в области рентгенографии, они-то и привели впоследствии господина и госпожу Кюри к открытию радия. К тому же в тот момент с нетерпением ожидали выступления профессора Станжерсона в Академии наук, где он должен был сделать сенсационный доклад, посвященный его новой теории – *распаду материи*, – теории, призванной до основания пошатнуть всю официальную науку, которая с давних пор базируется на принципах, вытекающих из закона сохранения веса веществ и закона сохранения и превращения энергии.

На следующий день об этой драме писали все утренние газеты. «Матен», например, опубликовала следующую статью, которая называлась «Сверхъестественное преступление»:

«Вот скудные сведения, – писал корреспондент газеты „Матен“, пожелавший остаться неизвестным, – которыми мы располагаем относительно преступления в замке Гландье. Состояние отчаяния, в котором пребывает профессор Станжерсон, невозможность услышать показания самой жертвы – все это крайне затрудняет дело, мешая и нам, и правосудию проводить расследование, поэтому в настоящий момент нельзя хоть в какой-то мере представить себе то, что произошло в Желтой комнате, где на полу, в ночной сорочке, нашли жалобно стонавшую мадемуазель Станжерсон. Однако нам удалось расспросить папашу Жака – так называют в округе старого слугу семейства Станжерсон. Папаша Жак вошел в Желтую комнату вместе с профессором. Эта комната соседствует с лабораторией. Лаборатория и Желтая комната находятся во флигеле в глубине парка, примерно в трехстах метрах от замка.

– Было половина первого, – рассказывал нам этот славный (?) человек. – Я находился в лаборатории, где все еще работал господин Станжерсон, тут-то все и началось... Весь вечер я мыл и раскладывал инструменты, дожидаясь, пока господин Станжерсон отправится спать. Мадемуазель Матильда работала со своим отцом до полуночи; когда же настенные часы в лаборатории пробили двенадцать, она встала, поцеловала господина Станжерсона и пожелала ему спокойной ночи. А мне сказала: „Доброй ночи, папаша Жак,“ – и открыла дверь в Желтую комнату. Мы слышали, как она заперла эту дверь на ключ да еще на задвижку, так что я, не удержавшись от смеха, сказал своему господину: „Ну вот, мадемуазель запирается на два запора. Не иначе как боится Божьей твари!“ Но господин даже не услышал меня, так он был занят работой. Зато снаружи в это время донеслось отвратительное мяуканье, я тотчас узнал голос Божьей твари – поверите ли, от него мороз продирает по коже... „Неужели и сегодня нам не

спать из-за нее?“ – подумал я. Потому что, надо вам сказать, сударь, я до конца октября живу наверху во флигеле, как раз над Желтой комнатой, чтобы не оставлять мадемуазель совсем одну ночью в парке. Это идея мадемуазель – жить в хорошую погоду во флигеле, он ей кажется веселее, чем замок, и вот уже четыре года, с тех пор как его построили, она каждую весну переселяется туда. А когда наступает зима, мадемуазель возвращается в замок, потому что в Желтой комнате нет камина.

Так вот, стало быть, мы с господином Станжерсоном оставались во флигеле. Сидели мы тихо. Он за письменным столом, а я – на стуле. Работу свою я уже закончил, поэтому просто глядел на него и думал: „Какой человек! Какой ум! Какой светлый ум!“ Мне кажется это важным – то, что мы не делали никакого шума, потому что из-за этого убийца наверняка и решил, что мы уже ушли. И вдруг – часы как раз пробили полпервого – в Желтой комнате раздался отчаянный крик. Это был голос мадемуазель, она кричала: „Спасите! Спасите! Помогите!“ Тут послышались выстрелы из револьвера, потом грохот перевернутого стола, опрокинутой мебели, как во время борьбы, и снова голос мадемуазель, кричавшей: „Спасите!.. Помогите!.. Папа! Папа!“

Вы, конечно, понимаете, что мы сразу же бросились туда – господин Станжерсон и я – и навалились на дверь. Но увы! Она была заперта, как я вам уже говорил, крепко заперта *изнутри* самой мадемуазель на ключ да еще на задвижку. Мы пытались расшатать ее, но дверь была прочной. Господин Станжерсон совсем обезумел, и, по правде говоря, было от чего обезуметь, потому что мы слышали, как стонала мадемуазель: „Помогите!.. Помогите!..“ И господин Станжерсон изо всех сил колотил в дверь, и плакал от бешенства, и рыдал от отчаяния и своей беспомощности.

И тут меня словно осенило. „Убийца, наверное, проник через окно, – решил я. – Надо бежать к окну!“ И я как одержимый бросился бегом из флигеля!

Только, к несчастью, окно-то Желтой комнаты выходит в поле, так что ограда парка, которая упирается во флигель, не позволила мне сразу же очутиться у этого окна. Чтобы добраться до него, сначала надо было выйти из парка. Я побежал к воротам и встретил по дороге Бернье и его жену, сторожей, которых всполошили выстрелы и наши крики. Я в двух словах рассказал им о том, что произошло, и велел сторожу немедленно бежать на помощь господину Станжерсону, а его жене – идти со мной, чтобы открыть ворота парка. Через пять минут мы с ней уже были у окна Желтой комнаты. Ярко светила луна, поэтому я сразу увидел, что окно не тронуто. *Не только решетка была цела, но и ставни за решеткой оказались закрыты, я ведь сам их запер еще вечером*, как делал это обычно, хотя мадемуазель, зная, до чего я устал и заработался, сказала, чтобы я не беспокоился, она сама их закроет. Так что они тоже были закреплены моими стараниями железной щеколдой *изнутри*. Стало быть, убийца залез не через окно и убежать отсюда не мог, но зато и я не мог проникнуть в комнату!

Вот уж истинное несчастье! Голову можно было потерять от всего этого. Дверь комнаты заперта на ключ *изнутри*, ставни единственного окна тоже заперты *изнутри*, а поверх ставен – нетронутая решетка, решетка, сквозь которую и руку не просунешь... А мадемуазель звала на помощь!.. Или, вернее, нет, ее уже не было слышно... Может, ее и в живых-то не было... Зато я слышал, как в глубине флигеля мой господин все еще пытался сокрушить дверь...

Мы бросились обратно – жена сторожа и я, – и вот мы уже во флигеле. Дверь по-прежнему не поддавалась, несмотря на яростные удары господина Станжерсона и Бернье. Потом в конце концов она все-таки уступила под нашим бешеным натиском – и что же мы увидели? А надо вам сказать, что сторож, стоявший сзади, держал лабораторную лампу, она была мощной и освещала всю комнату.

И еще, сударь, чтоб не забыть: Желтая комната совсем крохотная. Мадемуазель поставила туда железную кровать – довольно широкую, – маленький стол, тумбочку, туалетный сто-

лик и два стула. Поэтому в ярком свете лампы мы сразу же все разглядели: мадемуазель в ночной сорочке лежала на полу среди немыслимого беспорядка. Опрокинутые столы и стулья говорили о том, что здесь шла страшная баталия. Мадемуазель, наверное, вытащили из кровати, она была вся в крови, с ужасными следами от ногтей на шее – кожа на шее, можно сказать, была содрана этими ногтями, и на правом виске – ранка, из которой текла струйка крови, так что на полу образовалась небольшая лужица.

Когда господин Станжерсон увидел свою дочь в таком состоянии и бросился к ней с отчаянным криком, на них больно было смотреть. Удостоверившись, что несчастная еще дышит, он занялся только ею. А мы... Мы стали искать убийцу, того самого негодяя, который хотел убить нашу хозяйку, и клянусь вам, сударь, если бы мы нашли его, то уж мы с ним рассчитались бы, можете не сомневаться. Только его там не было. Как это объяснить, не знаю. И когда он мог убежать?.. Это выше всякого понимания. Под кроватью – никого, за столами и стульями – никого. В общем, нигде никого! Мы обнаружили только его следы – кровавые отметины широкой мужской руки на стенах и на двери, большой носовой платок безо всяких инициалов, покрасневший от крови, старый берет да еще свежий отпечаток мужской ноги во многих местах на полу. У человека, который побывал здесь, была большая нога, его каблуки оставили после себя нечто вроде черноватой сажи или нагара.

Откуда появился здесь этот человек? Куда он исчез? Не забывайте, сударь, что в Желтой комнате нет камина. Убежать через дверь он не мог: она слишком узкая, к тому же на пороге стоял сторож со своей лампой, а потом мы со сторожем искали убийцу на этом крохотном квадрате комнаты, где просто невозможно спрятаться и где в конечном счете мы так никого и не нашли. За выбитой и прислоненной к стене дверью спрятаться тоже было нельзя, но мы все-таки проверили. Через запертое окно с закрытыми ставнями и нетронутой решеткой убежать и вовсе было нельзя. В таком случае... Словом, я уже готов был поверить в дьявола.

Но тут на полу мы нашли *мой револьвер*. Да-да, мой собственный револьвер... И это... это помогло мне вернуться к действительности! Чтобы убить мадемуазель, дьяволу незачем было бы красть у меня револьвер. А вот человек, который был здесь, сначала поднялся ко мне на чердак, взял в моем ящике револьвер и воспользовался им со злым умыслом. Проверив патроны, мы обнаружили, что убийца стрелял из револьвера дважды. Согласитесь, сударь, что при таком-то несчастье мне еще, можно сказать, повезло: когда все началось, господин Станжерсон находился здесь, в своей лаборатории, и собственными глазами видел, что я тоже был здесь, рядом, а не то, сами посудите, вся эта история с револьвером... куда бы она нас завела? По-моему, я уже угодил бы за решетку. У судей, сами знаете, разговор короткий, им ничего не стоит отправить человека на виселицу!»

Это интервью корреспондент газеты «Матен» сопровождал следующими строками:

«Мы дали возможность папаше Жаку, не прерывая его, рассказать нам в общих чертах все, что ему известно о преступлении в Желтой комнате. Мы воспроизвели его рассказ слово в слово, опустив лишь – из сострадания к читателю – бесконечные причитания, которыми он сдабривал свое повествование. Конечно, ну конечно же, папаша Жак! Конечно, вы любите своих хозяев! Вам хочется, чтобы все об этом узнали, и вы неустанно повторяете это, особенно после того, как обнаружили ваш револьвер. Конечно, это ваше право, и никто с этим не спорит! Разумеется, нам хотелось бы задать папаше Жаку – Жаку Луи Мустье – еще несколько вопросов, но в этот момент за ним как раз прислал судебный следователь, который вел допрос в большом зале замка. Проникнуть в замок Гландье нам так и не удалось, что же касается дубравы, то ее, взяв в кольцо, ревностно стерегут полицейские, охраняя каждый след, ведущий к флигелю, ведь он может оказаться следом убийцы.

И само собой разумеется, нам хотелось бы порасспросить и сторожа, и его жену, но их нигде не было видно. Тогда мы решили заглянуть в маленькую харчевню, расположенную неподалеку от входа в замок, чтобы дожидаться там появления господина де Марке, судебного следователя из Корбе. В половине шестого мы и в самом деле увидели его вместе с судебским секретарем. Прежде чем он успел сесть в машину, нам удалось задать ему следующий вопрос:

– Не могли бы вы, господин де Марке, сообщить нам некоторые сведения относительно этого дела, при условии, конечно, что это не повредит расследованию?

– К сожалению, мы ничего не можем сказать, – ответил господин де Марке. – Пожалуй, это самое странное из всех известных мне дел. Едва нам начинает казаться, будто мы что-то узнали, как тут же выясняется, что мы ровным счетом ничего не знаем!

Мы попросили господина де Марке оказать любезность и объяснить свои последние слова. Вот что он ответил на это, и, думается, важность его заявления трудно переоценить:

– Если к вещественным доказательствам, собранным на сегодняшний день следствием, ничего не прибавится, боюсь, что тайна, которая окутывает гнусное покушение, жертвой которого стала мадемуазель Станжерсон, прояснится не скоро. Однако *во имя здравого смысла* не следует терять надежды на то, что зондаж стен, потолка и пола Желтой комнаты, зондаж, к которому я приступлю с завтрашнего дня вместе с подрядчиком, построившим четыре года назад этот флигель, принесет нам неоспоримое доказательство того, что никогда не надо терять веры в логику вещей. Ибо проблема состоит в следующем: мы знаем, каким путем убийца вошел – он вошел через дверь и спрятался под кроватью в ожидании мадемуазель Станжерсон. Но каким путем он вышел? Как ему удалось бежать? Если не отыщется ни трапа, ни скрытой двери, ни тайника, ни вообще какого-нибудь отверстия, если исследование стен и даже их разрушение – ибо я готов, равно как и господин Станжерсон, пойти даже на разрушение флигеля – не откроют никакого возможного прохода *не только для человека, но вообще для любого живого существа*, если в потолке нет дыры, если пол не скрывает подземелья, остается только „поверить в дьявола“, как говорит папаша Жак!»

И неизвестный корреспондент замечает в своей статье – статью эту я выбрал как самую интересную из множества других, опубликованных в тот же день и по тому же поводу, – что судебный следователь, похоже, не без умысла привел эту последнюю фразу: «Остается только „поверить в дьявола“, как говорит папаша Жак!»

Статья заканчивалась так:

«Мы поинтересовались, что папаша Жак имел в виду, говоря о крике Божьей твари. Как объяснил нам хозяин харчевни „Донжон“², речь шла об особо зловещем крике, который порой издает по ночам кот одной старой женщины, прозванной Молитва. Матушка Молитва – своего рода святая – живет в хижине в глухом лесу, неподалеку от пещеры святой Женевиевы.

Желтая комната, Божья тварь, матушка Молитва, дьявол, святая Женевиева, папаша Жак – вот чем опутано преступление, которое завтра поможет раскрыть удар заступа в стены, будем, по крайней мере, на это надеяться „во имя здравого смысла“, как говорит судебный следователь. Ну а пока имеются серьезные опасения, что мадемуазель Станжерсон, которая никак не может прийти в себя и отчетливо повторяет в бреду одно только слово: „Убийца! Убийца! Убийца!“ – не доживет до утра...»

² Донжон (фр.) – главная сторожевая башня в средневековом замке, в которой часто размещались и жилые покои хозяина. (Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика)

И наконец, в последнем своем сообщении та же газета извещала, что начальник полиции телеграфировал знаменитому инспектору Фредерику Ларсану, уехавшему в Лондон для расследования дела о похищении ценных бумаг, и просил его немедленно вернуться в Париж.

Глава II, В которой впервые появляется Жозеф Рультабий

Я до сих пор помню, словно это было вчера, как ко мне в комнату вошел в то утро юный Жозеф Рультабий. Было около восьми часов, я еще лежал в постели и читал статью в «Матен» о преступлении в замке Гландье.

Но прежде всего позвольте представить вам моего друга.

С Жозефом Рультабием я познакомился, когда он был безвестным репортером. В ту пору я только поступил в адвокатуру и частенько встречался с ним в судебных кулуарах, когда приходил просить разрешения связаться с Мазасом или Сен-Лазаром³. Ржица у него была славная, а голова – круглая как шар, и сам он был очень подвижный; думается, из-за этого его приятели газетчики и дали ему прозвище Рультабий, что означает попросту колобок. «Ты не видел Рультабия?.. Да вот он, чертенок Рультабий!..» Он часто краснел как помидор и бывал то чересчур веселым, то чересчур серьезным. Как в таком юном возрасте – когда я увидел его впервые, ему минуло шестнадцать с половиной лет – ухитрялся он зарабатывать себе на жизнь газетным ремеслом? Таким вопросом могли задаваться только те, кто, познакомившись с ним, не знал о том, как он начинал. Во время следствия по делу о женщине с улицы Оберкампф, разрезанной на куски, – еще одна начисто забытая история, – он принес главному редактору «Эпок», газеты, соперничавшей по части информации с «Матен», левую ногу несчастной жертвы, которой недоставало в корзине, где обнаружены были ужасные останки. Эту левую ногу полиция безуспешно разыскивала целую неделю, а юный Рультабий нашел ее в сточной канаве, куда никому не пришлось в голову заглянуть. Ради этого ему понадобилось наняться чистильщиком канализации в наскоро сформированную бригаду, которую городские власти Парижа направили на ликвидацию последствий небывалого подъема воды в Сене.

Став обладателем столь ценной находки и поняв к тому же, с помощью каких сложных дедуктивных умозаключений этот мальчик нашел путь к ней, главный редактор испытывал непередаваемое восхищение проницательностью шестнадцатилетнего юнца – ей мог бы позавидовать любой изощренный в своем деле полицейский – и радость от того, что он мог выставить на всеобщее обозрение в «морг-витрине» газеты «левую ногу с улицы Оберкампф».

– С этой ногой я сделаю вот такой заголовок для статьи! – воскликнул он.

Затем, вручив жуткий сверток судебно-медицинскому эксперту, сотрудничавшему с газетой, спросил юного незнакомца, на какое жалование тот рассчитывает, если согласится стать репортером отдела судебной хроники.

– Двести франков в месяц, – скромно сказал молодой человек, чуть не задохнувшись от распиравшего его восторга: еще бы, такое неожиданное предложение!

– Вы получите двести пятьдесят, – ответил главный редактор, – но при одном условии: вы всем скажете, что работаете в редакции уже месяц. И давайте сразу договоримся: не вы обнаружили «левую ногу с улицы Оберкампф», а газета «Эпок». Запомните, мой дорогой, отдельная личность здесь – ничто, а газета – всё!

Высказавшись таким образом, он не стал более задерживать нового сотрудника, лишь пожелал узнать на прощание его имя.

– Жозеф Жозефен.

– Какое же это имя? – изумился главный редактор. – Это не имя. Впрочем, раз вы все равно не подписываетесь, это не имеет значения...

³ Мазас, Сен-Лазар – парижские тюрьмы.

Новичок сразу же обзавелся множеством друзей, так как был услужлив и отличался веселым нравом. Он приводил в восторг самых брюзгливых и обезоруживал самых завистливых. В кафе адвокатуры, где обычно собирались репортеры, прежде чем отправиться в прокуратуру или префектуру на поиски своей ежедневной порции преступлений, он снискал себе репутацию смышленного малого, который в недалеком будущем – вот увидите! – наверняка доберется до кабинета самого начальника полиции. Когда подвертывалось стоящее дело и по приказу своего главного редактора Рультабий – к тому времени это прозвище уже прочно закрепилось за ним – вступал на военную тропу, ему нередко случалось утереть нос самым знаменитым инспекторам.

Там-то, в кафе адвокатуры, мы с ним и познакомились. Адвокаты уголовной полиции и журналисты в общем-то никогда не враждуют, так как одни нуждаются в рекламе, а другие – в сведениях. Мы разговорились, и я сразу же проникся огромной симпатией к этому славному человечку по прозвищу Рультабий. Он отличался таким живым и оригинальным складом ума, такой совершенно особой манерой мыслить, каких я не встречал ни у кого.

Незадолго до этого мне было поручено вести судебную хронику в «Кри дю бульвар». Моя причастность к журналистике не могла не укрепить и без того установившихся между Рультабием и мной дружеских отношений. К тому же моему новому другу пришла мысль ввести небольшую рубрику в газете «Эпок», которая стала именоваться «Судебное дело», так что я часто давал ему всевозможные юридические справки.

Прошло около двух лет, и чем ближе я узнавал его, тем больше любил, ибо понял: за внешней видимостью веселого чудачества скрывался необычайно серьезный для своего возраста человек. Более того, иной раз мне, привыкшему видеть его очень оживленным, а то и слишком веселым, доводилось наблюдать, как его вдруг охватывала глубокая печаль. Я пытался разузнать о причине столь внезапной перемены в его настроении, но он всякий раз снова начинал смеяться и ничего не объяснял. Однажды, когда я спросил его о родителях, о которых Рультабий никогда не говорил, он вдруг внезапно ушел, сделав вид, будто не слышал моих слов.

Тем временем началось знаменитое дело Желтой комнаты, которое должно было выдвинуть его в ряды лучших репортеров и сделать его лучшим полицейским всего мира, – впрочем, теперь это двойное качество не должно никого удивлять, если принять во внимание, что уже тогда ежедневная пресса начала претерпевать изменения, превращаясь в то, чем стала ныне, – в хронику преступности. Люди мрачного склада ума могут сетовать по этому поводу сколько угодно, я же полагаю, что это отрадный факт. Ибо никакое оружие, будь то общественное мнение или что другое, никогда не будет лишним в борьбе с преступностью. И на это мрачные умы не преминут возразить, что, мол, рассказывая о преступлениях, пресса тем самым как бы поощряет их. Что поделаешь? Есть люди – не правда ли? – которых никогда не переспоришь...

Итак, стало быть, Рультабий явился ко мне в то утро, а именно 26 октября 1892 года. Он раскраснелся еще больше обычного, глаза у него горели, и весь он был охвачен необычайным волнением. Руки у него дрожали, когда, размахивая свежим номером «Матен», он крикнул мне:

- Ну как, мой дорогой Сенклер?.. Вы прочли?
- О преступлении в Гландье?
- Да! Желтая комната... Что вы об этом думаете?
- Гм, я полагаю, что это проделки дьявола или Божьей твари. Во всяком случае, преступление совершил кто-нибудь из них.
- Будьте серьезны, прошу вас.
- Так вот, признаюсь вам, что я не очень-то верю в преступников, которые проходят сквозь стены. На мой взгляд, папаша Жак напрасно оставил после себя преступное оружие, а

так как он обитает над комнатой мадемуазель Станжерсон, архитектурная операция, которую предполагает начать сегодня судебный следователь, даст нам ключ к загадке, и мы в скором времени узнаем, при помощи какого естественного трапа или потайной двери этот «славный» человек смог ускользнуть, чтобы затем сразу же вернуться в лабораторию к господину Станжерсону, который так ничего и не заметил. Ну что вам еще сказать? Это одна из версий!..

Рультабий сел в кресло, закурил трубку, с которой никогда не расставался, и несколько минут безмолвствовал, пытаясь, вероятно, обуздать снедавшее его лихорадочное возбуждение, и только потом решил заклеить меня презрением.

– Молодой человек! – произнес он тоном, исполненным такой прискорбной иронии, что я даже не стану пытаться передать ее вам. – Молодой человек... вы адвокат, и я нисколько не сомневаюсь в вашем таланте, который позволяет вам оправдывать виновных. Но представим себе, что в один прекрасный день вы вдруг станете судьей. С какой же легкостью вы будете осуждать безвинных людей!.. У вас воистину талант на это, молодой человек. – Он опять затаился трубкой, потом продолжал: – Никакого трапа не найдут, и тайна Желтой комнаты день ото дня будет казаться все более непроницаемой. Вот почему она так заинтересовала меня. Судебный следователь прав: такого странного преступления никто и никогда еще не выдвигал...

– У вас есть какая-нибудь идея относительно того, каким способом убийце удалось скрыться? – спросил я.

– Никакой, – ответил Рультабий. – Пока – никакой... Но вот что касается револьвера, например... Револьвером убийца не пользовался...

– А кто же им пользовался, бог ты мой?..

– Как – кто?.. Конечно, мадемуазель Станжерсон...

– Я больше ничего не понимаю, – растерялся я. – Вернее, никогда не мог понять...

Рультабий пожал плечами:

– Вы ничему особенно не удивились, прочитав статью в «Матен»?

– Да нет... Мне все показалось одинаково странным...

– Ну как же... А дверь, запертая на ключ?

– Это единственное правдоподобное место во всем рассказе...

– Да что вы!.. А задвижка?..

– Задвижка?

– Задвижка, на которую была заперта дверь изнутри?.. Представляете, какие меры предосторожности были приняты мадемуазель Станжерсон... На мой взгляд, *у мадемуазель Станжерсон были все основания кого-то бояться*, поэтому она и пошла на такие меры. Мало того, она даже взяла револьвер у папашки Жака, не сказав ему об этом. Наверняка она не хотела никого пугать, а главное – не хотела беспокоить своего отца... То, чего *опасалась мадемуазель Станжерсон*, случилось, и она стала защищаться, началась баталия, и мадемуазель Станжерсон довольно ловко воспользовалась револьвером, ранив убийцу в руку. Этим-то и объясняется кровавый отпечаток мужской руки на стене и на двери: мужчина, видимо, пытался чуть ли не ощупью добраться до выхода и бежать; и все-таки стреляла она недостаточно быстро, потому что это не спасло ее от страшного удара, который пришелся ей по правому виску.

– Так, значит, мадемуазель Станжерсон ранили не из револьвера?

– В газете об этом ничего не говорится, что же касается меня, то я убежден: револьвером, защищаясь от убийцы, воспользовалась мадемуазель Станжерсон. Теперь весь вопрос в том, какое оружие было у самого убийцы. Этот удар в висок свидетельствует, что убийца покушался на жизнь мадемуазель Станжерсон и пытался сначала задушить ее... Должно быть, убийца знал, что на чердаке живет папаша Жак, – это-то и заставило его, я думаю, прибегнуть к безмолвному оружию, к дубинке, например, или молотку...

– Все это, однако, не объясняет нам, каким образом убийца вышел из Желтой комнаты, – заметил я.

– Разумеется, – сказал, вставая, Рультабий. – И так как этому необходимо найти объяснение, я еду в замок Гландье, потому-то я и пришел за вами, хочу, чтобы вы поехали со мной...

– Я?!

– Да, мой друг, мне требуется ваша помощь. «Эпок» полностью доверила мне это дело, и надо как можно скорее разобраться в нем.

– Но чем же я могу помочь вам?

– Господин Робер Дарзак находится в замке Гландье.

– Верно... его отчаяние, должно быть, не знает границ!

– Мне надо поговорить с ним... – Рультабий произнес эти слова довольно странным тоном, и это меня удивило.

– А разве... Разве вы надеетесь обнаружить что-нибудь интересное с этой стороны? – спросил я.

– Конечно.

Больше он ничего не пожелал мне сказать. Направившись в гостиную, он просил меня только поторопиться со сборами.

С господином Робером Дарзаком мне довелось познакомиться в суде – я был тогда секретарем мэтра Барбье-Делатура и сумел оказать ему как-то огромную услугу. В ту пору господину Роберу Дарзаку было лет сорок, он преподавал физику в Сорбонне и был тесно связан с семьей Станжерсон: после семи лет настойчивых ухаживаний он наконец собрался вступить в брак с мадемуазель Станжерсон, к тому времени она была уже в возрасте (ей было лет тридцать пять), но все еще славилась своей красотой.

Продолжая одеваться, я кричал Рультабию, изнывавшему от нетерпения в гостиной:

– У вас есть какие-то предположения относительно личности убийцы, из какого он круга?

– Да, – отвечал Рультабий. – Мне кажется, он занимает довольно высокое положение и если не принадлежит к светскому обществу, то во всяком случае... Правда, пока это всего лишь ощущение...

– А откуда у вас взялось такое ощущение?

– Это же ясно как божий день! – возразил молодой человек. – Грязный берет, вульгарный носовой платок и следы грубых башмаков на полу...

– Понимаю, – сказал я. – Никто не оставляет за собой столько следов, если они и в самом деле свидетельствуют об истине!

– Из вас, дорогой Сенклер, со временем выйдет толк! – заключил Рультабий.

Глава III

«Человек, словно тень, прошел сквозь ставни»

Через каких-нибудь полчаса мы с Рультабием были уже на перроне Орлеанского вокзала и дожидались отхода поезда, который должен был доставить нас в Эпине-сюр-Орж. Мы видели, как прибыли следователи из Корбе в лице господина де Марке и его секретаря. Господин де Марке и его секретарь провели ночь в Париже, чтобы побывать в театре на генеральной репетиции ревю, тайным автором которого он сам и был, выступая под псевдонимом Кастига Ридендо.

Господин де Марке постепенно превращался в благообразного старца. Он отличался учтивостью и отменным обхождением, единственной его страстью в жизни была неодолимая любовь к драматическому искусству. В суде же его по-настоящему интересовали только те дела, которые могли подбросить ему материал хотя бы на один акт. При всех своих связях, позволявших ему надеяться на самые высокие судейские посты, он, по правде говоря, никогда всерьез не работал. Главной его заботой было театральное поприще, его манил романтический Порт-Сен-Мартен или задумчивый Одеон⁴. Таковой идеал позволил ему на склоне лет занять всего лишь пост судебного следователя в Корбе да еще подписывать псевдонимом Кастига Ридендо непростительно малый акт в Ла Скала⁵.

Дело Желтой комнаты своей необъяснимостью, несомненно, должно было соблазнить столь... литературный ум. Оно, конечно, заинтересовало его, и господин де Марке готов был погрузиться в это дело не столько как судебный следователь, жаждущий докопаться до истины, сколько как любитель драматических головоломок, чьи помыслы целиком поглощены тайной интриги и который более всего страшится неотвратимо надвигающегося конца последнего акта, где все находит свое объяснение.

Поэтому в момент нашей с ним встречи я слышал, как господин де Марке со вздохом сказал своему секретарю:

– Ах, мой дорогой господин Мален! Боюсь, как бы этот подрядчик не разрушил своим заступом такую прекрасную тайну!

– Не бойтесь, – отвечал господин Мален. – Его заступ может разрушить флигель, но наше дело ему не под силу. Я простучал все стены, исследовал потолок с полом, а уж я в этом толк знаю. Меня не проведешь. Можете быть спокойны. Мы ничего не узнаем.

Утешив таким образом своего шефа, господин Мален кивком незаметно указал ему на нас. Тот нахмурился, а увидев приближавшегося Рультабия, который уже снимал шляпу, кинулся со всех ног к вагону и вскочил на подножку, успев вполголоса бросить своему секретарю:

– Никаких журналистов, ни в коем случае!

– Вас понял! – отвечал господин Мален, решительно преградив дорогу Рультабию и попытавшись воспрепятствовать нашему проникновению в купе судебного следователя. – Прошу прощения, господа! Но это купе занято...

– Я журналист, сударь, один из корреспондентов «Эпок», – молвил мой юный друг, расточая учтивые приветствия и поклоны. – Мне необходимо поговорить с господином де Марке.

– Господин де Марке очень занят расследованием порученного ему дела...

– О! Его расследование меня несколько не волнует, смею вас уверить... Разве я похож на корреспондента, которого, кроме раздавленных собак, ничего не интересует? – с обидой спросил юный Рультабий, оттопырив нижнюю губу и выражая тем самым бесконечное презрение

⁴ Порт-Сен-Мартен, Одеон – парижские театры.

⁵ Ла Скала – мюзик-холл в Париже, одноименный со знаменитым миланским театром.

к литературе, описывающей всевозможные происшествия. – Я занимаюсь театральной хроникой... И так как сегодня вечером я должен написать заметку о ревю в Ла Скала...

– Входите, сударь, прошу вас... – поспешил пригласить его секретарь, освобождая путь.

Рультабий не заставил себя долго просить. Я последовал за ним в купе и сел рядом, секретарь тоже поднялся вместе с нами и закрыл за собой дверцу.

Господин де Марке вопросительно взглянул на своего секретаря.

– О, сударь, – начал Рультабий, – не сердитесь на этого славного человека за то, что он решился нарушить запрет, дело в том, что я хотел бы удостоиться чести поговорить не с господином де Марке, а с господином Кастига Ридендо!.. Позвольте мне поздравить вас в качестве театрального хроникера газеты «Эпок»... – И Рультабий, представив сначала меня, представился затем сам.

Нервно поглаживая свою острую бородку, господин де Марке попытался объяснить Рультабию, что является весьма скромным автором и отнюдь не желает, чтобы его псевдоним разоблачали публично, он выразил надежду, что энтузиазм журналиста в отношении его драматургического творения не перейдет определенных границ, что он не станет разглашать его тайну, рассказав публике о том, что господин Кастига Ридендо есть не кто иной, как судебный следователь из Корбе.

– Мое драматургическое поприще, – добавил он не без некоторого колебания, – может повредить работе следователя... Особенно в провинции, где мы несколько поотстали и привыкли жить по старинке.

– О! Положитесь на меня! – воскликнул Рультабий, воздев руки к небу, словно призывая его в свидетели.

Поезд тем временем тронулся...

– Однако мы едем! – молвил судебный следователь, с удивлением констатируя, что мы едем вместе с ним.

– Да, сударь, истина тронулась и путь... – сказал, любезно улыбаясь, репортер. – В путь, к замку Гландье... Великолепное дело, господин де Марке, великолепное дело!

– Темное дело! Невероятное, непостижимое, необъяснимое дело... Но должен признаться, господин Рультабий, я боюсь только одного, а именно: что журналисты, желая найти ему объяснение, попробуют вмешаться...

Мой друг оценил этот ловко нанесенный прямой удар.

– Да, – сразу же согласился он, – этого следует опасаться... Они во все вмешиваются... Что же касается меня, то я говорю с вами по чистой случайности, господин судебный следователь, да, простой случай повинен в моей встрече с вами и привел меня, можно сказать, в ваше купе.

– Куда же вы направляетесь? – поинтересовался господин де Марке.

– В замок Гландье, – не дрогнув, ответил Рультабий.

Господин де Марке подскочил:

– Вам не удастся туда попасть, господин Рультабий!

– Вы этому воспротивитесь? – спросил мой друг, уже готовый к бою.

– Конечно, нет! Я слишком люблю прессу и журналистов, чтобы доставлять им хотя бы малейшие неприятности... Сам господин Станжерсон не желает никого видеть и закрыл свою дверь для всех. Поверьте, она надежно охраняется. Вчера ни одному журналисту не удалось переступить порог замка Гландье.

– Тем лучше, – возразил Рультабий, – зато мне это удастся.

Господин де Марке поджал губы, собираясь, видимо, хранить упорное молчание. Однако он немного смягчился после того, как Рультабий поведал ему без утайки, что мы едем в Гландье, дабы позвать руку «старинному и близкому другу» – так он называл господина Робера Дарзака, которого едва знал.

– Бедняга Робер! – продолжал юный репортер. – Бедняга Робер! Он может не пережить этого... Он так любит мадемуазель Станжерсон...

– Горе господина Робера Дарзака и в самом деле велико, на него больно смотреть... – как бы против воли оборонил господин де Марке.

– Однако не следует терять надежды на то, что мадемуазель Станжерсон удастся спасти...

– Будем надеяться... Ее отец сказал мне вчера, что, если она умрет, он последует в могилу за ней... Какая невосполнимая утрата для науки!

– Рана в висок очень серьезна, не так ли?..

– Конечно! Но это неслыханная удача, что она оказалась не смертельной... Удар был нанесен с такой силой!..

– Значит, мадемуазель Станжерсон ранили не выстрелом из револьвера, – заметил Рультабий, бросив на меня торжествующий взгляд.

Господин де Марке, казалось, был сильно смущен.

– Я ничего такого не говорил, и не хочу ничего говорить, и ничего не скажу! – И он повернулся к своему секретарю, словно не желая нас больше знать.

Но от Рультабия не так-то просто было отделаться. Он снова придвинулся к судебному следователю, развернув перед ним газету «Матен», которую вытащил из кармана:

– И все же есть одна вещь, господин судебный следователь, о которой я могу спросить вас, не проявляя излишней нескромности. Вы читали статью в «Матен»? Это же полный абсурд, не так ли?

– Ничего подобного, сударь...

– Как! В Желтой комнате есть только одно окно с решеткой, *прутья которой остались нетронутыми, и одна-единственная дверь, которую вышибли*, – не найдя при этом убийцы!

– Все так и есть, сударь! Все так и есть!.. В этом-то все и дело!

Рультабий ничего больше не сказал, погрузившись в раздумья...

Прошло примерно с четверть часа. Очнувшись наконец, он задал судебному следователю очередной вопрос:

– А какая прическа была в тот вечер у мадемуазель Станжерсон?

– Я что-то не понимаю вас, – удивился господин де Марке.

– А между тем это чрезвычайно важно, – возразил Рультабий. – *Волосы у нее были причесаны на прямой пробор, не так ли?* Я уверен, что в тот вечер, когда произошло несчастье, волосы у нее были причесаны на прямой пробор.

– Нет, господин Рультабий, вы ошибаетесь, – ответил судебный следователь. – В тот вечер волосы у мадемуазель Станжерсон были собраны и подняты вверх, на затылок... Должно быть, это ее обычная прическа. Лоб полностью открыт... могу вас заверить, ибо мы долго изучали рану. Крови на волосах не было, а с момента покушения прическу ее никто не трогал.

– Вы уверены в этом? Вы уверены, что в ночь покушения прическа у мадемуазель Станжерсон была не на прямой пробор?..

– Совершенно уверен, – продолжал, улыбаясь, следователь. – Я, как сейчас, помню: пока я изучал рану, доктор говорил мне: «Какая жалость, что мадемуазель Станжерсон привыкла поднимать волосы вверх, на затылок. Если бы она носила прическу на прямой пробор, удар, который пришелся в висок, был бы смягчен». Странно, однако, что вы придаете этому такое значение...

– О! Если прическа у нее была не на прямой пробор... – простонал Рультабий. – К чему это приведет? К чему это нас приведет? Нет, надо будет узнать получше. – И он с отчаянием махнул рукой.

– А рана на виске ужасная? – снова спросил он через некоторое время.

– Ужасная.

– Каким же оружием ее нанесли?

- А это, сударь, секрет следствия.
- Вам удалось найти это оружие?
- Судебный следователь не ответил.
- А следы на шее?

Тут судебный следователь охотно сообщил нам, что, по мнению доктора, смело можно утверждать: если бы убийца сжимал ей горло чуть подольше – всего на несколько секунд, – мадемуазель Станжерсон умерла бы от удушья.

– Дело в таком виде, как сообщает о нем «Матен», – продолжал настаивать Рультабий, – представляется мне совершенно необъяснимым. Можете ли вы сказать мне, господин следователь, какие еще выходы – я имею в виду окна и двери – есть во флигеле?

– Их всего пять, – ответил господин де Марке, смущенно покашливая. И все-таки ему было трудно устоять перед соблазном раскрыть всю невероятность и таинственность дела, которое он расследовал. – Их всего пять, причем в это число входит и дверь прихожей, единственная входная дверь флигеля, дверь, которая автоматически закрывается и не может быть открыта ни изнутри, ни снаружи иначе, как с помощью двух специальных ключей, которые постоянно хранятся у папаши Жака и господина Станжерсона. Мадемуазель Станжерсон ключ не нужен, так как папаша Жак проживает во флигеле, а днем она практически не расстается с отцом. Когда взламывалась дверь, ведущая в Желтую комнату, входная дверь в прихожей оставалась, как всегда, закрытой, и оба ключа от этой двери находились: один – в кармане у господина Станжерсона, другой – в кармане у папаши Жака. Что же касается окон во флигеле, то их всего четыре: единственное окно Желтой комнаты, два окна в лаборатории и одно в прихожей. Окно Желтой комнаты и окна лаборатории выходят в поле, и только окно прихожей смотрит в парк.

– Именно через это окно он и бежал из флигеля! – воскликнул Рультабий.

– Откуда вам это известно? – спросил господин де Марке, пристально глядя на моего друга.

– Позже мы узнаем, каким образом убийца смог уйти из Желтой комнаты, – пояснил Рультабий, – но из флигеля он ушел через окно прихожей...

– Еще раз вас спрашиваю: откуда вам это известно?

– Ах боже ты мой! Да что ж тут мудреного?! Раз он не мог бежать через входную дверь флигеля, следовательно, он должен был уйти через окно, но для этого надо было найти хоть одно незарешеченное окно. Окно Желтой комнаты зарешечено, так как оно выходит в поле! Два других окна, в лаборатории, тоже зарешечены по той же самой причине. Раз убийца все-таки бежал, полагаю, ему удалось найти хоть одно окно без решетки, и это окно – окно прихожей, которое выходит в парк, то есть, иными словами, внутрь владения. Это дело нехитрое, так что догадаться совсем не трудно!..

– Согласен, – сказал господин де Марке. – Но вот о чем вы никак не могли догадаться, так это о том, что окно прихожей, действительно единственное, на котором нет решетки, закрывается крепкими железными ставнями. *И представьте себе, эти железные ставни оказались заперты изнутри железными щеколдами, а между тем у нас есть доказательство, что убийца действительно бежал из флигеля именно через это окно!* Следы крови на внутренней стене и на ставнях, а также отпечатки ног на земле, полностью соответствующие тем, которые я снял в Желтой комнате, – все это неоспоримо свидетельствует о том, что убийца бежал именно через окно! Но в таком случае как ему это удалось? *Ведь ставни-то были заперты изнутри!* Он, словно тень, прошел сквозь ставни. И все-таки самое ужасное не в этом. Да, следы убийцы, бежавшего из флигеля, обнаружены. А вот каким образом ему удалось выйти из Желтой комнаты, *да еще пересечь лабораторию, чтобы попасть в прихожую,* – этого понять никак нельзя! Ах, господин Рультабий, дело это и правда совершенно невероятное... Великолепное дело, в

этом я с вами полностью согласен! И ключ к нему подберут не скоро, – по крайней мере, я на это надеюсь!..

– Не понял, на что вы надеетесь, господин следователь.

– Я не то хотел сказать, – спохватился господин де Марке. – Просто мне так кажется...

– Значит, после бегства убийцы окно снова заперли изнутри? – спросил Рультабий.

– Выходит так. Во всяком случае, в настоящий момент другой версии нет, хотя и объяснения этому обстоятельству тоже пока не найдено, иначе напрашивается вывод о сообщнике или о сообщниках, а я таковых не вижу... – И, помолчав немного, господин де Марке добавил: – Ах, если бы состояние мадемуазель Станжерсон хоть немного улучшилось, можно было бы расспросить ее сегодня...

А Рультабий, продолжая развивать свою мысль, снова спросил:

– Ну а чердак? На чердаке-то тоже должно быть какое-то отверстие?

– Да, в самом деле, о нем я не упомянул. Стало быть, всего шесть отверстий. Наверху есть маленькое окошко, вернее, слуховое окно, и, так как оно выходит не в парк, а наружу, мадемуазель Станжерсон тоже приказала поставить на него решетку. На этом окошке, так же как и на окнах первого этажа, решетка осталась нетронутой, и ставни, которые открываются, естественно, внутрь, были заперты изнутри. В общем, мы не обнаружили ничего такого, что подтвердило бы пребывание убийцы на чердаке.

– Значит, у вас, господин следователь, не остается сомнений в том, что убийца бежал – пускай неизвестно как – через окно в прихожей!

– Все говорит за это...

– Я тоже так думаю, – с важным видом согласился Рультабий. И, помолчав, добавил: – Однако, если вы не нашли никаких следов убийцы на чердаке, похожих, например, на черные следы, которые обнаружены на полу в Желтой комнате, вы должны были прийти к выводу, что это не он украл револьвер папаши Жака...

– На чердаке нет других следов, кроме следов папаши Жака, – сказал судья, многозначительно покачав головой. Потом, решив, видно, развить свою мысль, добавил: – Папаша Жак находился в лаборатории с господином Станжерсоном. Его счастье...

– В таком случае *какова же роль* револьвера папаши Жака в этой драме? Ведь, насколько я понимаю, это оружие ранило вовсе не мадемуазель Станжерсон, а убийцу...

Не ответив на этот, видимо, затруднительный для него вопрос, господин де Марке сообщил нам, что обнаружены обе пули: одна – в той самой стене Желтой комнаты, где остался отпечаток окровавленной руки, руки мужчины, другая – в потолке.

– О-о! В потолке! – тихонько повторил Рультабий. – В самом деле, в потолке! Любопытно, весьма любопытно... В потолке!..

Весь остаток пути он молча курил, выпуская бесконечные кольца дыма. Когда мы были в Эпине-сюр-Орж, я вынужден был хлопнуть его по плечу, чтобы вывести из задумчивости и заставить спуститься с облаков на землю, а точнее – на перрон.

Там судебный следователь с секретарем поспешили распрощаться с нами, всячески давая понять, что мы им порядком надоели, затем торопливо сели в дожидавшийся их кабриолет и укатили.

– Сколько времени потребуется, чтобы добраться отсюда пешком до замка Гландье? – спросил Рультабий у железнодорожного служащего.

– Часа полтора, а если не торопясь, то и все два, – ответил тот.

Рультабий взглянул на небо и, верно, счел погоду благоприятной для себя, да и для меня, пожалуй, тоже, ибо, взяв меня под руку, сказал:

– Пошли!.. Мне необходимо пройтись.

– Ну как? – спросил я его. – Дело распутывается?

– О! – молвил он. – Какое там распутывается!.. *Запуталось еще больше, чем прежде!* Правда, у меня есть идея.

– Какая?

– О! Пока ничего не могу сказать... Моя идея – это вопрос жизни и смерти, по крайней мере, для двух людей.

– Вы полагаете, тут были сообщники?

– Нет, не думаю...

Некоторое время мы молчали, потом он снова заговорил:

– Какая удача, что мы встретились с судебным следователем и его секретарем... Ну что я вам говорил насчет револьвера?

Сунув руки в карманы, он шел опустив голову и тихонько насвистывал. Потом я услышал, как он прошептал:

– Бедная женщина!..

– Вы жалеете мадемуазель Станжерсон?

– Да, это необычайно благородная женщина, она достойна всяческого сожаления!.. У нее сильный, очень сильный характер. Так мне кажется... Так мне кажется...

– Стало быть, вы знакомы с мадемуазель Станжерсон?

– Нет, вовсе не знаком... Я видел ее один только раз.

– Почему же вы говорите, что у нее сильный характер?

– Потому что она сумела противостоять убийце и храбро защищалась, а главное... *Главное, из-за пули в потолке.*

Я смотрел на Рультабия, мысленно задаваясь вопросом: уж не считает ли он меня за совершенного идиота? А может, он сам сошел с ума? Однако я прекрасно видел, что молодой человек был серьезен, как никогда, и вовсе не собирался смеяться, а мысль, светившаяся в его маленьких круглых глазах, полностью успокоила меня относительно состояния его рассудка. И потом, я уже успел немного привыкнуть к его несвязным речам... несвязным для меня, считавшего их бессмысленными и непонятными лишь до той минуты, пока он не открывал мне ход своих мыслей, произнеся всего несколько коротких и внятных фраз. Тогда все внезапно прояснялось: слова, сказанные им прежде и казавшиеся мне лишеными всякого смысла, обретали вдруг поразительную ясность и логику, так что я и сам уже не мог взять в толк, почему не понимал этого раньше.

Глава IV

На лоне дикой природы

Замок Гландье – один из самых старинных замков исторического края, который именуется Иль-де-Франс, где сохранилось еще множество прославленных памятников эпохи феодализма. Построенный в лесной глуши во времена Филиппа Красивого, он открывается взору в нескольких сотнях метров от дороги, ведущей из деревни, которая носит имя святой Женевиевы Лесов, в Монлери. Скопление разрозненных строений венчает главная башня замка – донжон. Если какой-нибудь посетитель, преодолев шаткие ступени этой древней башни, выходит на маленькую площадку, где в XVII веке Жорж Филибер де Секиньи, властитель Гландье, Мэзон-Нёв и других земель, повелел соорудить в отвратительном стиле рококо маленькую башенку, именуемую ныне «фонарь», он замечает горделиво возвышающуюся над полями и долами в трех лье отсюда крепостную башню Монлери. По прошествии стольких веков донжон и крепостная башня все еще смотрят друг на друга поверх зеленеющих лесов и сухого древостоя, словно рассказывая друг другу самые древние легенды французской истории. Говорят, будто донжон Гландье охраняет святую тень героической и доброй заступницы Парижа, пред которой отступил Атилла⁶. Там, в старинном рву, окружающем замок, покоится вечным сном святая Женевиева. Летом влюбленные, рассеянно бросив в траву корзинку с завтраком, приходят помечтать или обменяться клятвами перед могилой святой, благоговейно украшенной незабудками. Неподалеку от этой могилы есть колодец, как говорят, с чудодейственной водой. На этом месте исполненные благодарности матери воздвигли статую святой Женевиевы и развесили у ее ног маленькие башмачки или шапочки детей, спасенных священной влагой.

И вот здесь-то, в довольно диких местах, которые целиком, казалось бы, должны принадлежать прошлому, решили поселиться профессор Станжерсон и его дочь, дабы созидать науку будущего. Им сразу же понравилась уединенность лесной глуши, где за их трудами и надеждами могли следить только древние камни да столетние дубы. Гландье, в прошлом Гландьерум, назывался так потому, что в этих местах испокон веков собирали огромное количество желудей, а желудь по-французски и есть «гланд». Земля эта, ныне печально известная, из-за небрежности или нерадивости своих хозяев приобрела вид дикой, первобытной природы, и лишь таящиеся в ее дебрях замковые строения хранили следы странных преобразований. Каждый век оставлял на них свой отпечаток – какой-нибудь обломок зодчества, связанный с неким ужасным событием или кровавой историей, так что сам по себе этот замок, где надеялась найти прибежище наука, казалось, заранее был обречен стать ареной для разыгравшейся теперь мистерии ужаса и смерти.

После всего вышеизложенного я не могу не высказать одного соображения. А именно: если я задержался немного на столь печальном описании Гландье, то вовсе не потому, что нашел подходящий случай воссоздать необходимую атмосферу для драматических событий, которые будут происходить на глазах читателя. По правде говоря, первейшей моей заботой во всем этом деле будет стремление сохранять предельную простоту. Я вовсе не претендую на авторство. Когда говорят «автор», всегда в какой-то мере подразумевают «романист», а тайна Желтой комнаты, слава богу, сама по себе исполнена реального трагического ужаса и вполне может обойтись безо всяких литературных прикрас. Я всего лишь достоверный рассказчик и желаю остаться именно таковым. Я должен рассказать о событии и располагаю это событие в надлежащем обрамлении, вот и всё. Вы вправе знать, где все это происходило.

⁶ Атилла (?—453) – предводитель гуннов, правитель огромной империи, который возглавлял опустошительные походы в Восточную Римскую империю, Галлию, Северную Италию.

Итак, вернемся к господину Станжерсону. Когда он купил поместье, лет за пятнадцать до описываемых драматических событий, в Гландье уже давно никто не жил. Другой старинный замок в окрестностях, построенный Жаном де Бельмоном в XIV веке, тоже был всеми покинут, так что край этот был, можно сказать, почти необитаем. Несколько домишек на краю дороги, ведущей в Корбе, маленькая харчевня «Донжон», дававшая проезжим приют на короткое время, – вот примерно и все, что напоминало о цивилизации в этой заброшенной местности, которую никак не ожидаешь встретить в нескольких лье от столицы. Однако именно эта полная заброшенность и побудила господина Станжерсона и его дочь сделать окончательный выбор.

Господин Станжерсон был уже к тому времени знаменит, он только что вернулся из Америки, где его исследования наделали много шума. Книга, которую он опубликовал в Филадельфии, относительно *распада материи под воздействием электромагнитного поля*, вызвала протест всего ученого мира. Господин Станжерсон был француз, но с американскими корнями. Важные наследственные дела в течение нескольких лет удерживали его в Соединенных Штатах. Но и там он продолжал начатую во Франции работу, потом, получив большое наследство, вернулся обратно во Францию, чтобы ее завершить. Случилось это после того, как ему удалось выиграть дело в суде, а возможно, просто прийти к удачному соглашению. Богатство пришлось весьма кстати.

Господину Станжерсону, который при желании мог бы зарабатывать миллионы, используя или позволив использовать два-три из своих открытий в области химии для создания новой технологии окраски, всегда претило извлекать выгоду из того чудесного дара изобретательства, которым наделила его природа; он вовсе не считал свой талант личной собственностью. Из филантропических побуждений он отдавал его людям, и все, что порождал его талант, шло на пользу общества. Поэтому он не скрывал своей радости, получив неожиданно огромное состояние, которое должно было позволить ему до последней минуты жизни отдаваться страстному служению чистой науке.

Однако профессор, похоже, радовался этому еще и по другой причине. В тот момент, когда профессор вернулся из Америки и купил Гландье, его дочери, мадемуазель Станжерсон, было двадцать лет. Трудно себе представить, до чего она была красива, унаследовав от матери, которая умерла, дав ей жизнь, изящество парижанки, а от деда с отцовской стороны, Уильяма Станжерсона, все богатства молодой американской крови. Будучи гражданином Филадельфии, тот вынужден был принять французское подданство, выполняя волю семьи своей будущей жены, француженки, той самой, что должна была стать матерью знаменитого Станжерсона. Вот вам и объяснение, почему профессор Станжерсон считался французом.

Обворожительная двадцатилетняя блондинка с голубыми глазами, молочной белизны лицом, цветущая, завидного здоровья, Матильда Станжерсон была одной из самых красивых девушек на выданье в Старом и Новом Свете. Несмотря на неизбежную горечь грядущей разлуки, отец просто обязан был позаботиться о ее замужестве, так что приданое пришлось весьма кстати. Тем не менее он по-прежнему скрывался со своей дочерью в Гландье, хотя друзья его ожидали, что он будет вывозить мадемуазель Матильду в свет. Некоторые даже специально приезжали к нему, чтобы выразить свое удивление. На вопросы, которые ему задавали, профессор неизменно отвечал: «Такова воля моей дочери. А я ни в чем не могу ей отказать. Она сама выбрала Гландье». Когда же об этом спрашивали молодую девушку, та спокойно возражала: «А где бы нам еще лучше работалось, чем в этом уединении?» Ибо мадемуазель Матильда Станжерсон уже тогда помогала отцу в его трудах, однако кто бы мог подумать, что ее страсть к науке дойдет до того, что она на протяжении пятнадцати лет будет упорно отклонять все возможные партии.

При всей замкнутости своей жизни отец с дочерью вынуждены были иногда посещать официальные приемы и в определенное время года бывать у двух-трех друзей, и всякий раз

слава профессора и красота Матильды неизменно производили сенсацию. Поначалу крайняя холодность молодой девушки нисколько не обескураживала воздыхателей, однако через несколько лет они, видно, устали. Лишь один с трогательным упорством продолжал настаивать, снискав себе прозвище Вечный жених, прозвище, с которым он грустно смирился. Это был господин Робер Дарзак. Между тем мадемуазель Станжерсон была уже немолода, и, не испытывав потребности выйти замуж до тридцати пяти лет, она, казалось, вряд ли могла решиться на этот шаг теперь. Однако для господина Робера Дарзака такое соображение не имело, по-видимому, ни малейшего значения, так как он продолжал свои ухаживания, если можно назвать ухаживанием ласковую и нежную заботу, которой он неустанно окружал тридцатипятилетнюю женщину, оставшуюся в девицах и заявившую, что никогда не выйдет замуж.

И вдруг, за несколько недель до событий, которые нас занимают, в Париже разнесся слух, которому вначале никто не придал значения – настолько это казалось невероятным: мадемуазель Станжерсон согласилась наконец воздать должное неугасимой пылкости господина Робера Дарзака! И только после того, как стало известно, что сам господин Робер Дарзак не спешит опровергать разговоры о предстоящей свадьбе, все сошлись на том, что каким бы невероятным ни казался этот слух, в нем, возможно, есть доля истины. В конце концов в один прекрасный день господин Станжерсон после окончания заседания в Академии наук заявил во всеуслышание, что свадьба его дочери с господином Робером Дарзаком будет отпразднована в узком кругу в замке Гландье сразу же после того, как они с дочерью закончат доклад, в котором подведут итог своей работе над *распадом материи*, то есть, иными словами, над обращением материи в эфир. Новобрачные должны были поселиться в Гландье, и зять собирался внести свой вклад в дело, которому отец с дочерью посвятили всю жизнь.

Не успел еще мир науки опомниться от этой новости, как стало известно о покушении на мадемуазель Станжерсон, совершённом при исключительных и даже, можно сказать, фантастических обстоятельствах, о которых мы уже рассказывали и которые наш визит в замок должны были более или менее прояснить.

Я безо всяких колебаний решил сообщить читателю все эти подробности о прошлом, которые стали мне известны благодаря моим деловым отношениям с Робером Дарзаком, дабы, переступая порог Желтой комнаты, читатель был осведомлен обо всем не хуже, чем я сам.

Глава V, В которой Жозеф Рультабий обращается к господину Роберу Дарзаку со словами, производящими определенный эффект

Уже несколько минут мы с Рультабием шли вдоль стены, окаймлявшей обширные владения господина Станжерсона, и уже увидели калитку, когда внимание наше привлёк человек, который, склонившись над землей, настолько, казалось, был чем-то поглощен, что даже не заметил нашего появления. Он то наклонялся низко, чуть ли не ложась на землю, то выпрямлялся, внимательно разглядывая стену, затем, взглянув на свою ладонь, в которой что-то держал, начинал широко шагать и даже пускался бегом, потом снова смотрел на правую ладонь.

Рультабий жестом остановил меня:

– Тсс! Фредерик Ларсан за работой!.. Не будем ему мешать.

Жозеф Рультабий буквально преклонялся перед знаменитым полицейским. Лично мне не доводилось видеть Фредерика Ларсана, но я много слышал о нем.

Дело о золотых слитках в Монетном дворе, которое он распутал, тогда как все уже готовы были отступить, и арест взломщиков сейфов в банке «Креди универсель» – эти деяния прославили его имя. В ту пору – ведь Жозеф Рультабий не успел еще представить неоспоримых доказательств своего блестящего таланта – Ларсан слыл человеком, способным распутать нити самых таинственных и непонятных преступлений. Его слава гремела на весь мир, и нередко полиция Лондона или Берлина или даже Америки призывала его на помощь, ибо национальные инспекторы и сыщики, исчерпав свои возможности, признавали себя побежденными. Поэтому нечего удивляться тому, что, как только возникла тайна Желтой комнаты, начальник полиции сразу же вспомнил о своем неоценимом подчиненном и телеграфировал в Лондон, куда Фредерик Ларсан был направлен по делу о похищении ценных бумаг, чтобы тот немедленно возвращался. Фредерик, которого в полиции называли Великим Фредом, надо думать, поспешил вернуться, по опыту зная, что, раз решили его побеспокоить, значит, нуждаются в его услугах, и потому в то утро мы с Рультабием застали его уже за работой. Вскоре мы поняли, в чем она состояла.

Итак, озабоченно поглядывая на часы, которые он сжимал в правой ладони, Фредерик Ларсан подсчитывал минуты. Потом он вернулся назад, снова проделал тот же путь и остановился у входа в парк, еще раз посмотрев на часы, затем положил их в карман, обескураженно пожал плечами, толкнул калитку, вошел в парк, запер калитку на ключ, поднял голову и только тогда заметил нас сквозь решетку. Рультабий бросился к нему, я – следом за ним. Ларсан ждал нас.

– Господин Фред... – начал Рультабий, снимая шляпу и всем своим видом выражая глубочайшее почтение, – почтение более чем искреннее, ибо юный репортер не уставал восторгаться прославленным полицейским. – Не могли бы вы сказать нам, в замке ли в настоящий момент господин Робер Дарзак? Перед вами один из его друзей из парижской адвокатуры, он хотел бы поговорить с ним.

– Не знаю в точности, господин Рультабий, – ответил Фред, пожав ему руку, так как несколько раз уже имел случай встречаться с моим другом во время самых сложных расследований. – Я его не видел.

– Наверное, сторож знает, – заметил Рультабий, указывая на кирпичный домик, дверь и окна которого были закрыты, хотя, судя по всему, именно там должны были обретаться верные стражи поместья.

– Сторож с женой ничего не смогут вам сказать.

– Почему же это?

– Потому что полчаса назад их арестовали!

– Арестовали? – воскликнул Рультабий. – Так, значит, они преступники?

Фредерик Ларсан пожал плечами.

– Когда не можешь арестовать убийцу, – с видом высокомерной иронии заявил он, – всегда можно позволить себе роскошь обнаружить сообщников!

– Это вы велели арестовать их, господин Фред?

– Ну нет! Что за глупости! Я их не арестовывал, во-первых, потому, что почти уверен в их непричастности к делу, а во-вторых...

– А во-вторых? – с беспокойством переспросил Рультабий.

– Во-вторых, потому... Да так, ничего... – оборвал сам себя Ларсан, тряхнув головой.

– *Потому что сообщников нет и быть не может!* – шепнул Рультабий.

Фредерик Ларсан резко остановился, с интересом взглянув на репортера.

– Вот как! Стало быть, у вас есть свой взгляд на это дело... А между тем, молодой человек, вы ведь ничего не видели, вы даже не смогли еще проникнуть сюда...

– Я проникну.

– Сомневаюсь. Приказ строгий.

– Я проникну, если вы поможете мне увидаться с господином Робером Дарзаком. Сделайте это для меня. Мы ведь старые друзья. Господин Фред, прошу вас. Вспомните, какую великолепную статью я написал о вас в связи с золотыми слитками. Скажите только одно словечко господину Роберу Дарзаку, ну пожалуйста!

В этот момент выражение лица Рультабия было просто комично. На нем было написано такое непреодолимое желание переступить этот порог, за которым скрывалась непостижимая тайна, оно так красноречиво молило, причем не только губами и глазами, но каждой своей черточкой, что я не в силах был удержаться от смеха. Фредерик Ларсан точно так же, как я, не мог оставаться серьезным.

Тем не менее, стоя по ту сторону ограды, Фредерик Ларсан преспокойно положил ключ к себе в карман. Я разглядывал его.

Это был человек лет пятидесяти. Голова его была красива: волосы с проседью, матовый цвет лица, четко очерченный профиль, лоб выпуклый, подбородок и щеки тщательно выбриты, над верхней тонкого рисунка губой усов не было; небольшие глаза смотрели вам прямо в лицо, их испытующий взгляд вызывал удивление и тревогу. Роста он был среднего, довольно стройный, выглядел элегантно и внушал симпатию. Ничего общего с вульгарным полицейским. Это был великий артист своего дела, причем сразу чувствовалось, что он это знает и имеет высокое мнение о своей особе. Во время разговора в тоне его ощущались некоторые скептицизм и разочарованность. Столь странная профессия заставила его, верно, повидать немало преступлений и всякого рода мерзости, поэтому оставалось только удивляться, как это у него не «задубели чувства», по забавному определению Рультабия.

Ларсан повернул голову на шум экипажа, подъехавшего сзади. Мы узнали кабриолет, который увез со станции Эпине судебного следователя и его секретаря.

– Пожалуйста! – молвил Фредерик Ларсан. – Вы хотели поговорить с господином Робером Дарзаком – он перед вами!

Кабриолет был уже у ворот, и Робер Дарзак попросил Фредерика Ларсана открыть их ему, так как он очень спешит и у него едва хватит времени вернуться в Эпине, чтобы поспеть на ближайший парижский поезд, и тут он узнал меня. Пока Ларсан открывал ворота, господин Дарзак успел спросить, что привело меня в Гландье в такой трагический момент. Только тогда я заметил страшную бледность и выражение бесконечного страдания на его лице.

– Мадемуазель Станжерсон лучше? – сразу же спросил я.

– Да, – ответил он. – Может быть, ее удастся спасти. Надо во что бы то ни стало спасти ее.

Он не добавил: «Иначе я умру», но эти произнесенные слова, казалось, застыли на его дрожащих, бескровных губах.

Тут вмешался Рультабий:

– Сударь, вы очень спешите. А мне необходимо поговорить с вами. Я должен сказать вам кое-что очень важное.

Фредерик Ларсан прервал его.

– Я могу вас оставить? – спросил он Робера Дарзака. – У вас есть ключ? Или, если хотите, возьмите этот.

– Да, благодарю вас, у меня есть ключ. Я сам закрою ворота.

Ларсан поспешно удалился по направлению к замку, внушительная громада которого виднелась в нескольких сотнях метров.

Нахмутив брови, Робер Дарзак всячески выказывал свое нетерпение. Я представил ему Рультэбия, назвав его лучшим своим другом, но как только господин Дарзак узнал, что этот молодой человек – журналист, он, взглянув на меня с горьким упреком, извинился, сказал, что спешит, что ему надо быть в Эпине не позже чем через двадцать минут, махнул на прощание рукой и хлестнул лошадь.

Но Рультэбий, к величайшему моему изумлению, уже схватил поводья, резким движением остановил экипаж и произнес совершенно бессмысленную, на мой взгляд, фразу:

– *Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает.*

Едва слова эти слетели с губ Рультэбия, как я увидел, что Робер Дарзак пошатнулся; и без того бледный, он побледнел еще больше. С ужасом взглянув на молодого человека, он в полном смятении чувств тотчас же выскочил из экипажа.

– Пойдемте! – прошептал Дарзак. – Пойдемте! – Затем вдруг повторил с какой-то непонятной яростью: – Пойдемте же, сударь! Пойдемте! – И он проделал путь, ведущий к замку, не вымолвив больше ни слова.

Рультабий следовал за ним, ведя за собой лошадь. Я что-то сказал господину Дарзаку, но он не ответил мне. Тогда я вопросительно взглянул на Рультабия, но и тот как будто не видел меня.

Глава VI

В глуши дубравы

Мы прибыли в замок. Старинная башня – донжон – соединялась с той частью здания, которая полностью была реконструирована при Людовике XIV и была современным строением в стиле Виолле-ле-Дюка⁷. Там-то и находился главный вход. Никогда еще не видывал я ничего более оригинального и, может быть, более уродливого. Это было довольно странное нагромождение самых разных и, я бы сказал, диковинных архитектурных стилей. Словом, выглядело все это чудовищно и в то же время очаровательно. Подойдя поближе, мы увидели двух жандармов, которые прогуливались перед маленькой дверью, ведущей на первый этаж донжона. Вскоре мы узнали, что здесь-то, на первом этаже, где некогда находилась тюрьма и куда теперь сваливали ненужные вещи, и были заперты сторож и его жена – господин и госпожа Бернье.

Господин Робер Дарзак пригласил нас войти в современную часть замка, куда вела широкая дверь, защищенная от непогоды специальным навесом. Препоручив лошадь и кабриолет заботам прислуги, Рультабий не спускал глаз с господина Дарзака; проследив за его взглядом, я заметил, что внимание его приковано исключительно к рукам профессора Сорбонны, затянутым в перчатки. Как только мы очутились в маленькой гостиной, обставленной старинной мебелью, господин Дарзак повернулся к Рультабию и неожиданно сказал ему:

– Говорите! Чего вам надо?

Репортер ответил столь же неожиданными словами:

– Пожать вашу руку!

Дарзак отступил в изумлении:

– Что это значит?

Разумеется, он так же, как и я, сразу догадался, о чем идет речь: мой друг подозревал его в этом гнусном покушении. Ему наверняка вспомнились следы окровавленной руки на стенах Желтой комнаты... Я со страхом глядел на этого человека. Обычно у него всегда было такое высокомерное выражение лица, и он никогда не отводил глаз, а тут я заметил, что он как-то странно вздрогнул. Затем, растерянно поглядев на меня, протянул Рультабию правую руку:

– Вы друг господина Сенклера, оказавшего мне неоценимую услугу в правом деле, и я не вижу причин, сударь, почему бы не подать вам руки...

Рультабий не взял протянутой руки. С неслыханной дерзостью он произнес:

– Сударь, я несколько лет жил в России, откуда вывез обычай никогда и никому не пожимать руки в перчатке.

Мне показалось, что профессор Сорбонны вот-вот даст волю сотрясавшему его гневу, но он, к моему изумлению, сдержался и, сняв перчатки, протянул свои руки. На них не было ни единой царапины.

– Вы удовлетворены?

– Нет! – ответил Рультабий. – Мой дорогой друг, – обратился он ко мне, – я вынужден просить вас оставить нас на минутку одних.

Я поклонился и вышел, пораженный тем, что мне довелось увидеть и услышать, и никак не мог понять, почему господин Робер Дарзак не выставил за дверь моего дерзкого, моего бесцеремонного, моего глупого друга... Ибо в эту минуту я был зол на Рультабия за его подозрительность, повлекшую эту немыслимую сцену с перчатками.

Минут двадцать я прогуливался перед замком, пытаюсь связать воедино события этого утра, но мне это никак не удавалось. Какие мысли одолевали Рультабия? Возможно ли, чтобы

⁷ Виоллэ-ле-Дюк Эжен (1814–1879) – французский архитектор, историк и теоретик архитектуры, реставратор готических соборов и замков.

господин Робер Дарзак был в его глазах убийцей? Как могло ему прийти в голову, что этот человек, который через несколько дней собирался жениться на мадемуазель Станжерсон, проник в Желтую комнату, чтобы убить свою невесту? К тому же никто до сих пор не высказал версии, как убийце удалось выйти из Желтой комнаты. Следовательно, до тех пор, пока эта тайна, казавшаяся мне необъяснимой, не будет разгадана, никто, по моему мнению, не имел права никого подозревать. И потом, что это за дикая фраза, до сих пор звучавшая у меня в ушах: *«Дом священника не утратил своего очарования, и сад по-прежнему благоухает»!* Мне не терпелось остаться наедине с Рультабием, чтобы спросить его об этом.

В этот самый момент юный репортер вышел из замка вместе с господином Робером Дарзаком. Вещь поразительная, но я с первого взгляда понял, что они стали лучшими друзьями.

– Мы направляемся в Желтую комнату, – сказал мне Рультабий. – Идемте с нами. И вот что, дорогой друг, я собираюсь задержать вас на целый день. Пообедаем вместе где-нибудь поблизости.

– Приглашаю вас отобедать со мной, господа...

– Нет, благодарю вас, – ответил молодой человек. – Мы пообедаем в харчевне «Донжон».

– Там очень скверно кормят. Вряд ли у них найдется что-нибудь приличное.

– Вы полагаете? А я как раз надеюсь найти там кое-что, – возразил Рультабий. – После обеда мы снова примемся за работу, я напишу статью, а вы, дорогой друг, будьте так любезны, отвезите ее в редакцию.

– А вы? Разве вы не собираетесь вернуться вместе со мной?

– Нет, я останусь ночевать здесь.

Я взглянул на Рультабия. Он говорил вполне серьезно, и господин Робер Дарзак, казалось, нисколько не был удивлен таким заявлением.

В эту минуту мы проходили мимо донжона, и до нас донеслись жалобные стоны. Рультабий спросил:

– Почему арестовали этих людей?

– Отчасти по моей вине, – сказал господин Дарзак. – Вчера я обратил внимание судебного следователя на удивительный факт: сторож и его жена, услышав выстрелы из револьвера, успели *одеться* и преодолеть довольно большое расстояние, отделяющее их сторожку от флигеля; на все это им понадобилось минуты две, да-да, прошло не больше двух минут с того момента, когда раздались выстрелы, до того, как они встретились с папашей Жаком.

– Это, конечно, странно, – согласился Рультабий. – А как они были одеты?

– Это-то и поразило меня... Они были *одеты*, так сказать, *полностью*, тепло и обстоятельно... Не наспех. Правда, на жене были сабо, но у сторожа даже башмаки были *зашнурованы*. А они утверждают, что легли спать, как обычно, в десять часов. Сегодня утром судебный следователь привез из Парижа револьвер такого же точно калибра, как и револьвер, из которого стреляли во время покушения (он не хочет трогать тот револьвер, говорит, это вещественное доказательство), и велел своему секретарю выстрелить два раза из привезенного револьвера в Желтой комнате при закрытом окне и закрытой двери. Мы в это время были вместе с ним в сторожке и ничего не слышали. Оттуда ничего нельзя услышать. Сторож и его жена солгали, в этом нет сомнений. Они были наготове и уже находились на улице, неподалеку от флигеля – видно, чего-то ждали. Разумеется, их самих никто не обвиняет в покушении, но не исключено, что они были сообщниками... Господин де Марке тотчас приказал арестовать их.

– Если бы они были сообщниками, – возразил Рультабий, – *они явились бы в растрепанном виде* или, вернее, совсем не явились бы. Когда человек бросается в объятия правосудия, да еще с такими доказательствами своего соучастия в преступлении, это значит, что он никакой не сообщник. Я вообще не верю в сообщников в этом деле.

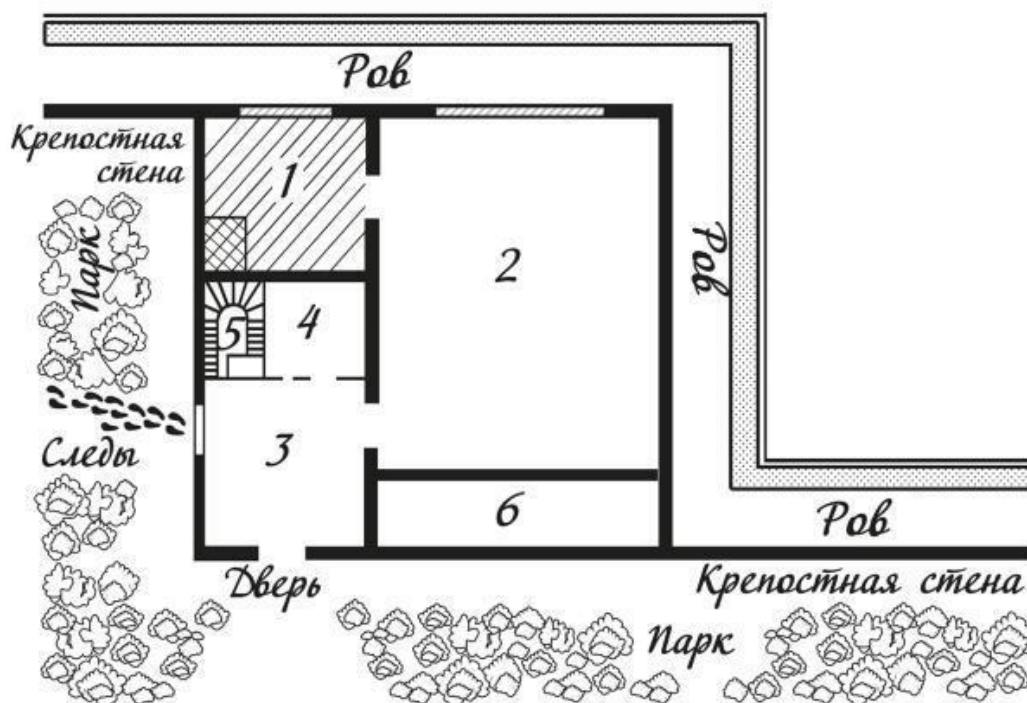
– Тогда почему они вышли из дома в полночь? Пусть скажут!..

– У них наверняка есть причина скрывать это. Весь вопрос в том, какая... Даже если они не сообщники, это может иметь какое-то значение. *В такую ночь все имеет значение, все важно.*

Мы прошли по старому мостику, перекинутому через ров, и ступили в ту часть парка, которая носит название Дубрава. Там стояли столетние дубы. Дыхание осени уже коснулось их пожелтевших, скрюченных листьев, а высокие почерневшие ветви, извивавшиеся, словно змеи, напоминали ужасными космами гнезди-лица гигантских, свившихся клубком рептилий, подобных тем, которые античный скульптор скрутил над головой своей Медузы. Здесь мадемуазель Станжерсон жила летом, находя это место веселым, сейчас же оно выглядело довольно унылым и мрачным. Земля была черной, вязкой от недавних дождей и от слипшихся палых листьев; стволы деревьев тоже почернели, и даже само небо у нас над головой, казалось, оделось в траур, скрывшись за тяжелыми, низко нависшими тучами. И в этом уединенном месте, таком мрачном и унылом, мы вдруг увидели белые стены флигеля.

Это было странное строение без единого окна, – во всяком случае, таким оно предстало нашему взору с той стороны, откуда мы пришли. Лишь маленькая дверца указывала на то, что в дом все-таки можно проникнуть. А на первый взгляд он напоминал скорее гробницу или просторный мавзолей в глуши заброшенного леса... Только подойдя ближе, мы поняли, почему этот дом так расположен. Весь необходимый свет здание получало с юга, то есть с полей, простиравшихся по другую сторону поместья. Маленькая дверь выходила в парк, так что господин Станжерсон и его дочь нашли здесь, видимо, идеальную тюрьму для себя, дававшую им возможность полностью сосредоточиться на своей работе и мечтах.

Впрочем, я познакомлю вас сейчас с планом этого флигеля. Дом имел всего один этаж, куда вели несколько ступенек, и довольно высокий чердак, который не представляет для нас никакого интереса. Поэтому я предлагаю читателю наипростейший план первого этажа:

1. Желтая комната со своим единственным зарешеченным окном и единственной дверью, ведущей в лабораторию.

2. Лаборатория с двумя большими зарешеченными окнами и дверями, выходящими: одна – в прихожую, другая – в Желтую комнату.

3. *Прихожая* с незарешеченным окном и входной дверью, ведущей в парк.
4. Туалет.
5. Лестница, ведущая на чердак.
6. Большой и единственный камин во флигеле, предназначенный для лабораторных опытов.

План был начертан самим Рультабием, и я отметил, что на нем обозначалось все до малейших деталей, все, что так или иначе могло бы помочь решению загадки, возникшей тогда перед правосудием. Ознакомившись с планом и пояснительным текстом к нему, читатели будут знать ровно столько, сколько знал Рультабий, когда в первый раз очутился во флигеле с твердым намерением отыскать истину, то есть, иными словами, ответить на вопрос, который в то время задавал себе каждый: *каким образом убийце удалось бежать из Желтой комнаты?*

Прежде чем подняться по трем ступенькам к входной двери флигеля, Рультабий остановил нас и неожиданно спросил у господина Дарзак:

– Ну а мотив преступления?

– На мой взгляд, сударь, сомневаться на этот счет не приходится, – сказал в ответ жених мадемуазель Станжерсон с глубокой печалью. – Следы пальцев, глубокие ссадины на груди и шее мадемуазель Станжерсон свидетельствуют о том, что злодей, явившийся сюда, пытался совершить ужасное преступление. Опытные эксперты, изучавшие вчера эти следы, утверждают, что их оставила та же рука, окровавленный след которой нашли на стене. Рука огромная, сударь, она никак не может уместиться в моей перчатке, – добавил он с едва заметной горькой улыбкой.

– Что касается руки, – прервал я его, – не может ли это быть след окровавленных пальцев мадемуазель Станжерсон, которая в момент падения наткнулась на стену и, падая, оставила увеличенный след своей окровавленной руки?

– Когда мадемуазель Станжерсон подняли, на ее руках не было ни капли крови, – ответил господин Дарзак.

– Теперь уже окончательно стало известно, – заметил я, – что мадемуазель Станжерсон сама взяла револьвер папаши Жака, ведь это она ранила убийцу в руку. *И стало быть, она опасалась чего-то или кого-то.*

– Возможно...

– Вы никого не подозреваете?

– Нет... – ответил господин Дарзак, глядя на Рультабия.

Тогда Рультабий сказал мне:

– Так знайте, мой друг, что следствие продвинулось несколько дальше, чем пожелал нам поведать этот скрытник господин де Марке. Теперь уже следствию известно не только то, что револьвер был оружием, которым воспользовалась мадемуазель Станжерсон в целях самозащиты. Оказывается, следствию сразу же стало известно, какое оружие использовали для нападения на мадемуазель Станжерсон. Это *баранья кость*, как сказал мне господин Дарзак. Почему господин де Марке окружает эту баранью кость такой тайной? Верно, надеется облегчить поиски полицейским сыщикам. Не иначе. Он, надо полагать, воображает, что ее владельца отыщут среди парижского сброда, среди тех, кто известен своим пристрастием к этому преступному орудию, самому страшному из всех, придуманных природой. Да разве когда-нибудь узнаешь, что творится в голове у судебного следователя? – добавил Рультабий с презрительной усмешкой.

– Стало быть, в Желтой комнате нашли баранью кость? – спросил я.

– Да, сударь, – ответил Робер Дарзак, – у кровати. Но умоляю вас: не говорите никому. Господин де Марке просил нас соблюдать тайну. (Я поспешил успокоить его.) Это огромная

баранья кость, головка которой или, точнее, коленный сустав был весь красный от крови из той ужасной раны, которую нанесли мадемуазель Станжерсон. Это старая баранья кость, *которой, судя по всему, уже пользовались в подобных случаях.* Так думает господин де Марке – он послал ее в Париж на экспертизу в муниципальную лабораторию. Он в самом деле считает, что на этой кости остались не только свежие следы крови последней жертвы, но и старые, порывшие пятна высохшей крови, которые свидетельствуют о прежних преступлениях.

– В руках опытного убийцы баранья кость – страшное оружие, – заметил Рультабий, – причем оружие гораздо более надежное и верное, чем, например, тяжелый молоток.

– Собственно, негодяй и доказал это, – горестно сказал господин Робер Дарзак. – Он нанес мадемуазель Станжерсон страшный удар в висок. Сустав бараньей кости точно совпадает с раной. Мне лично кажется, что эта рана была бы смертельной, если бы убийцу не остановил на полпути револьвер мадемуазель Станжерсон. Раненный в руку, он бросил свою кость и убежал. Но, к несчастью, удар бараньей костью *уже был нанесен* и едва не оказался смертельным, а перед этим мадемуазель Станжерсон чуть не задушили. Если бы ей удалось ранить негодяя первым выстрелом, она избежала бы удара бараньей костью. Но, к сожалению, она слишком поздно схватила револьвер, к тому же из-за борьбы первый выстрел оказался неудачным: пуля попала в потолок, и только после второго выстрела... – При этих словах господин Дарзак постучал в дверь флигеля.

Вы, конечно, догадываетесь, что я буквально сгорал от нетерпения – так мне хотелось попасть туда, где было совершено преступление. Я весь дрожал и, несмотря на огромный интерес, который представляла собой баранья кость, злился про себя, что наш разговор затягивается, а дверь все не открывается.

Но вот наконец дверь открылась.

На пороге стоял мужчина, в котором я сразу признал папашу Жака.

Ему было верных шестьдесят – так мне показалось. Длинная белая борода, седые волосы, баскский берет, потертый костюм из коричневого вельвета, сабо; по виду ворчун, лицо довольно неприветливое, однако, едва заметив господина Робера Дарзака, он сразу весь преобразился, даже лицо его посветлело.

– Это мои друзья, – представил нас наш проводник. – Во флигеле никого нет, папаша Жак?

– Мне не велено никого пускать, господин Робер, но к вам это, конечно, не относится. А почему, спрашивается, не пускать? Они видели все, что можно было увидеть, эти господа судьи. А уж сколько они всего нарисовали, сколько протоколов понаписали...

– Простите, господин Жак, прежде всего я хотел бы задать вам один вопрос, – сказал Рультабий.

– Спрашивайте, молодой человек, и если я смогу ответить...

– Какая прическа была *в тот вечер* у вашей хозяйки: не на прямой ли пробор? Ну знаете, когда закрыты виски и даже немного лоб?..

– Нет, мой господин. Моя хозяйка никогда не носила такую прическу, как вы говорите, – ни в тот вечер, ни в другие дни. Волосы у нее всегда подняты, так чтобы виден был ее прекрасный лоб, чистый, как у младенца!..

Рультабий проворчал что-то и тут же принялся осматривать дверь. Он сразу заметил автоматически защелкивающийся замок. Понял, что дверь эта не могла оставаться открытой ни при каких обстоятельствах и что требовался ключ, чтобы ее открыть.

Затем мы вошли в прихожую, маленькую, но довольно светлую комнату, выложенную красной плиткой.

– А! Вот и окно, через которое бежал убийца, – молвил Рультабий.

– Пускай говорят себе, сударь, пускай говорят! Да только если бы он бежал здесь, мы бы его обязательно увидели, иначе и быть не могло! Мы не слепые – ни господин Станжерсон, ни

я, ни сторож с женой, которых они упрятали в тюрьму! Удивляюсь, почему бы им и меня не посадить в тюрьму! Да, и меня тоже – хотя бы из-за револьвера.

Но Рультабий уже открыл окно и осматривал ставни.

– В момент преступления они были заперты?

– На железные щеколды, изнутри, – ответил папаша Жак. – Стало быть, убийца прошел сквозь них...

– А пятна крови есть?

– Да, поглядите снаружи на камне... Только какой крови-то?

– Ах! – молвил Рультабий. – Я вижу следы... вон там, на дороге... Земля была слишком сырая... Сейчас посмотрим...

– Глупости, – прервал его папаша Жак. – Убийца не мог там пройти!

– А где он, по-вашему, прошел?

– Почему я знаю!..

Рультабий все замечал, все чуял. Встав на колени, он быстрым взглядом окинул цветные плитки прихожей.

– Ах! Да все равно вы ничего не найдете, мой господин, – не унимался папаша Жак. – Они тоже ничего не нашли... А теперь и подавно: слишком грязно стало... Много людей побывало! Они не велят мне мыть полы. Но тогда, в тот день, я, папаша Жак, самолично все вымыл, да еще как! И если бы убийца своими ножищами прошел здесь, это сразу было бы заметно. Видели бы вы, как он наследил своими башмаками в комнате мадемуазель!

Поднявшись, Рультабий переспросил:

– Когда вы, говорите, в последний раз мыли этот пол? – И впился в папашу Жака взглядом, от которого, казалось, ничего не скроешь.

– Да говорю вам, в день самого преступления! Примерно в полшестого... Как раз в то время, когда мадемуазель с отцом ходили на прогулку перед ужином, а ужинали-то они здесь, в лаборатории. На другой день, когда пришел следователь, он сразу увидел следы на земле, как будто кто начертил их чернилами на белом листе бумаги... Так вот, ни в лаборатории, ни в прихожей, где пол блестел, как новенькое су⁸, следов этих не нашли – следов мужчины! Раз их находят у окна, снаружи, стало быть, он должен был пробить крышу и спуститься под окном прихожей, вернее, прыгнуть... Так вот, нет же дырки ни в потолке Желтой комнаты, ни, конечно, на моем чердаке!.. Вы же сами видите: никто ничего не знает. Решительно ничего! И никто никогда ничего не узнает, помяните мое слово! Это дьявольская тайна!

Рультабий вдруг снова бросился на колени почти напротив двери маленького туалета, находившегося в глубине прихожей. В таком положении он оставался не меньше минуты.

– Ну что? – спросил я его, когда он поднялся.

– Ничего существенного: капелька крови. – Затем, повернувшись к папаше Жаку, молодой человек спросил его: – Когда вы начали мыть лабораторию и прихожую, окно в прихожей было открыто?

– Я сам открыл его, потому что разжигал в лабораторной печи древесный уголь для господина, а так как разжигал я его газетами, пошел дым, вот я и открыл окна в лаборатории и в прихожей, чтобы проветрило сквозняком. Потом я закрыл окна в лаборатории и оставил открытым только окно в прихожей, затем вышел на минутку в замок за щеткой для мытья и, вернувшись, как я вам уже говорил, примерно в полшестого, стал мыть полы, а вымыв их, снова ушел, и все это время окно в прихожей оставалось открытым. И наконец, в последний раз, когда я вошел во флигель, *окно было закрыто*, а господин и мадемуазель уже работали в лаборатории.

– Значит, господин Станжерсон и его дочь, вернувшись, сами закрыли окно?

⁸ Су – французская мелкая разменная монета.

- Конечно.
- Вы их не спрашивали об этом?
- Нет!

Внимательно оглядев маленький туалет и лестницу, ведущую на чердак, Рультабий, для которого мы словно перестали существовать, вошел в лабораторию. Признаюсь, я испытывал огромное волнение, последовав за ним. Робер Дарзак следил за каждым движением моего друга. Что же касается меня, то взгляд мой сразу приковала дверь Желтой комнаты. Она была закрыта или, вернее, прислонена к стене лаборатории, ибо я сразу заметил, что дверь едва держится и уже ни на что не годится. Усилия тех, кто навалился на нее в тот трагический момент, сломили ее сопротивление.

Мой юный друг, не говоря ни слова, методично начал осматривать комнату, в которой мы находились. Она была просторной и светлой. Два огромных окна, чуть ли не во всю стену, забранные решетками, выходили на бескрайний простор полей. Через просеку в лесу открывался чудесный вид на всю долину – вплоть до огромного города, который в солнечные дни, должно быть, виднелся там, в самом ее конце. Но сегодня – никаких видений, ничего-ничего, только грязь на земле да чернота в небе, а здесь, в этой комнате, – следы крови.

Целый угол лаборатории занимали широкий камин, тигли и печи, предназначенные для самых разнообразных химических опытов. И всюду реторты, колбы, всевозможные инструменты, столы, заваленные бумагами, папками; электростанок, гальванические элементы, аппарат, как пояснил мне господин Робер Дарзак, используемый профессором Станжерсоном *«для доказательства распада материи под воздействием солнечного света»*, и так далее.

И вдоль всех стен шкафы – закрытые или застекленные шкафы, в которых виднелись микроскопы, специальные фотоаппараты, невероятное количество кристаллической соды.

Рультабий сразу же сунул нос в камин. Кончиками пальцев он шарил меж тиглей... Внезапно он резко выпрямился, держа в руках крохотный клочок наполовину сгоревшей бумаги... Мы в это время разговаривали, стоя у одного из окон. Он подошел к нам и сказал:

- Сохраните это для нас, господин Дарзак.

Склонившись над клочком обгоревшей бумаги, который господин Дарзак взял из рук Рультабия, я явственно разобрал следующие слова, единственные, которые еще можно было прочесть: *«Дом священника не утратил... очарования, и са... благоухает»*.

А наверху: *«23 октября»*.

Я был поражен: все те же бессмысленные слова, причем второй раз в течение одного утра. И второй раз я видел, какой ошеломляющий эффект произвели они на профессора Сорбонны.

Прежде всего господин Дарзак бросил взгляд на папашу Жака. Но тот не обращал на нас ни малейшего внимания, занятый своим делом у другого окна. Тогда жених мадемуазель Станжерсон достал бумажник, дрожащей рукой сунул туда обгоревшую бумажку и горестно вздохнул:

- Боже мой!

Тем временем Рультабий забрался в камин, то есть, иными словами, стоя на кирпичах одной из печей, он внимательно разглядывал каминную трубу, сужавшуюся вверх и в пяти-

десяти сантиметрах над его головой полностью закрывавшуюся вделанными в кирпичи чугунными плитами, оставлявшими проход только для трех трубочек диаметром в пятнадцать сантиметров каждая.

– Здесь пройти невозможно, – соскакивая, заявил молодой человек. – Впрочем, даже если он и попытался бы это сделать, вся эта арматура оказалась бы на полу. Нет-нет! Искать надо не здесь...

Затем Рультабий исследовал мебель и открыл дверцы шкафов. Потом настал черед окон, которые он объявил «непреодолимыми» и «непреодоленными». У второго окна он застал папашу Жака, сосредоточенно что-то разглядывавшего.

– Ну, папаша Жак, что вы там такое увидели?

– Да вот гляжу на человека из полиции, который все время кружит вокруг пруда... Еще один хитрец нашелся, только и он не лучше других!

– Вы не знаете Фредерика Ларсана, папаша Жак! – заметил Рультабий, печально покачивая головой. – А то бы не говорили так... Если есть здесь человек, способный отыскать убийцу, так это, без сомнения, он! – И Рультабий тяжело вздохнул.

– Прежде чем найти его, неплохо бы знать, как мы его упустили, – упрямо буркнул папаша Жак.

Наконец мы добрались до двери Желтой комнаты.

– Вот она, дверь, за которой кое-что произошло! – торжественно провозгласил Рультабий, что при любых других обстоятельствах прозвучало бы комично.

Глава VII, В которой Рультабий отправляется в экспедицию под кровать

Толкнув дверь Желтой комнаты, Рультабий остановился на пороге и с волнением произнес слова, которые мне суждено было понять лишь потом:

– О! *Духи́ дамы в черном!*

В комнате было темно.

Папаша Жак хотел открыть ставни, но Рультабий остановил его:

– Разве драма разыгралась в полной темноте?

– Нет, молодой человек, не думаю. Мадемуазель требовала, чтобы у нее на столе всегда горел ночник, и это я зажигал его по вечерам, перед тем как ей лечь спать... Да чего там! Я, можно сказать, был ей заместо горничной по вечерам! Настоящая-то горничная приходила только утром. Мадемуазель работала допоздна... ночью!

– Где стоял стол с ночником? Далеко от кровати?

– Далеко.

– А не могли бы вы сейчас зажечь ночник?

– Ночник разбился, и масло все пролилось, когда упал стол. Да все так и осталось, как было. Давайте я открою ставни, и вы сами увидите...

– Подождите!

Вернувшись в лабораторию, Рультабий закрыл ставни на окнах и дверь в прихожей. Мы очутились в полной темноте; тогда он зажег восковую свечку, вручил ее папаше Жаку и велел ему выйти с этой свечкой на середину Желтой комнаты, на то самое место, где в ту ночь горел ночник.

Папаша Жак, разутый, в одних носках (свои сабо он обычно оставлял в прихожей), вошел в Желтую комнату с догоравшей восковой свечкой, и мы смутно увидели плохо освещенные ее угасавшим пламенем опрокинутые на пол вещи, кровать в углу и напротив нас, с левой стороны, отражение зеркала, висевшего на стене возле кровати. Видение было очень коротким.

– Довольно! – сказал Рультабий. – Можете открыть ставни.

– Только не входите, – попросил папаша Жак, – а то наследите своими ботинками. А тут ничего нельзя трогать. Это идея следователя – идея, говорю, хотя чего там, с ним и так все ясно... – И он открыл ставни.

Мертвенно-бледный свет проник снаружи, осветив зловещую картину, замкнутую меж шафренных стен. Деревянный пол – ибо если в прихожей и лаборатории пол был выложен плиткой, то в Желтой комнате он был деревянный – почти целиком закрывала желтая циновка размером чуть ли не во всю комнату, она была подсунута и под кровать, и под туалетный столик – это были единственные вещи, оставшиеся на своих местах. А круглый стол посередине, ночной столик и два стула были опрокинуты. Однако это не мешало разглядеть на циновке широкое пятно крови, которая, по словам папаши Жака, вытекла из раны на виске у мадемуазель Станжерсон. Кроме того, капельки крови были заметны повсюду, где на полу отпечатались большие черные следы убийцы. Все говорило за то, что эти капли крови сочились из раны того, кто оставил на стене, ухватившись за нее на какое-то мгновение, отпечаток окровавленной руки. На стене можно было увидеть и другие следы той же руки, но гораздо менее явственные. А это и в самом деле был отчетливый отпечаток большой мужской руки.

Я невольно воскликнул:

– Смотрите!.. Видите эту кровь на стене?.. Человек, который с такой силой уперся в стену рукой, ничего не мог разглядеть в темноте и наверняка думал, что это дверь. Он хотел открыть

ее! Вот почему он нажимал с такой силой, оставив на желтых обоях свой обвинительный акт. Не думаю, чтобы в мире нашлось много других рук, похожих на эту. Рука большая и сильная, и пальцы почти все одинаково длинные, большой палец отсутствует. Мы видим только след ладони. Но если мы проследим за отпечатками этой руки, – продолжал я, – то увидим, как она, опершись о стену, ощупывает ее в поисках двери, наконец находит эту дверь и начинает искать замок...

– Да-да, конечно, – с усмешкой перебил меня Рультабий, – *только вот ни на замке, ни на задвижке нет крови!*..

– Ну и что это доказывает?! – не унимался я, исполненный здравого смысла, которым страшно гордился. – Он мог открыть замок и задвижку левой рукой – это вполне допустимо, раз правая рука у него ранена...

– Да ничего он не открывал! – в сердцах воскликнул папаша Жак. – Мы все-таки не сумасшедшие! И нас было четверо, когда мы взломали дверь!

А я все не унимался:

– Что за странная рука! Нет, вы только посмотрите на эту руку!

– Вполне нормальная рука, – возразил Рультабий, – просто ее рисунок деформирован скольжением по стене. Человек *пытался вытереть свою раненую руку о стену!* Рост этого человека примерно метр восемьдесят.

– Почему вы так думаете?

– Вижу высоту руки на стене...

Затем мой друг занялся отметиной пули на стене, которая оказалась круглой.

– Пуля была выпущена прямо, – заявил Рультабий, – не сверху и не снизу, а *прямо*.

И еще он обратил наше внимание на то, что дыра эта была на несколько сантиметров ниже, чем след, оставленный на стене рукой.

Затем Рультабий вернулся к двери и стал изучать замок с задвижкой. Он отметил, что дверь и в самом деле взломали снаружи, ибо и замок и задвижка так и остались запертыми на этой выбитой двери, а две скобы на стене практически были вырваны и болтались на уцелевших винтах.

Юный репортер «Эпок» внимательно исследовал их, потом принялся за дверь, оглядел ее с обеих сторон, удостоверился, что нет никакой возможности закрыть или открыть задвижку *снаружи*, а также проверил ключ, который остался в замочной скважине *изнутри*. От него не укрылась и такая особенность замка: когда ключ вставлялся в замочную скважину изнутри, открыть замок снаружи другим ключом было невозможно. Наконец, убедившись в том, что на этой двери не было никакого автоматического замка, то есть, иными словами, дверь эта была самая что ни на есть обыкновенная, как все двери, с крепким замком и задвижкой, оставшимися запертыми, он произнес такие слова:

– Это уже лучше!

Затем, усевшись на пол, поспешно разулся и в одних носках вошел в комнату.

Первое, что он сделал, – это, склонившись над опрокинутой мебелью, внимательнейшим образом изучил ее. Мы молча смотрели на него.

Папаша Жак уже не скрывал своей иронии:

– Ах, малыш, малыш! Зря стараетесь!

Рультабий поднял голову:

– Вы сказали чистую правду, папаша Жак, ваша хозяйка не меняла в тот вечер прически, это я, старый осел, придумал такое!.. – И проворно, словно змея, скользнул под кровать.

А папаша Жак продолжал:

– Подумать только, сударь, ведь убийца прятался там! Нет, вы только подумайте, ведь он уже был здесь, когда я приходил сюда в десять часов, чтобы закрыть ставни и зажечь ночник,

потому что ни господин Станжерсон, ни мадемуазель Матильда, ни я не покидали больше лабораторию до самого момента преступления.

Из-под кровати слышался голос Рультабия:

– Папаша Жак, в котором часу господин Станжерсон и его дочь вернулись в лабораторию и не выходили больше?

– В шесть часов!

– Да, конечно, он прятался здесь... – снова донесся голос Рультабия. – Тут и сомневаться нечего... В общем-то ему негде было больше спрятаться... Когда вы вошли сюда все четверо, вы посмотрели под кровать?

– Еще бы, сразу же. Мы даже совсем отодвинули кровать, а потом снова поставили ее на место.

– А между матрасами?

– На кровати был всего один матрас, на него мы и положили мадемуазель Станжерсон. И сторож с господином Станжерсоном тотчас же отнесли матрас в лабораторию. Под этим матрасом был только металлический матрас с пружинами, там ничего и никого не спрячешь. Сами посудите, сударь, нас было четверо, мы ничего не могли упустить, ведь комната такая маленькая, и мебели в ней почти нет, да и за нашей спиной во флигеле все было заперто.

Я осмелился высказать одно предположение:

– Возможно, ему удалось выйти вместе с матрасом! Может, в самом матрасе... Тут всякое можно думать – такая загадка! Господин Станжерсон и сторож были так взволнованы, что могли не заметить двойного веса, который несли. А представьте себе, *если сторож сообщник!* Понимаю, что это не бог весть какая гипотеза, но она многое объяснила бы... В частности, и тот факт, что ни в лаборатории, ни в прихожей не было следов, которые остались в комнате. Когда мадемуазель переносили из лаборатории в замок, матрас на минутку могли оставить у окна, это и позволило ему бежать...

– Ну а больше-то ничего не придумали? Неужели ничего? Совсем ничего? – заливался под кроватью смехом Рультабий.

Я немного обиделся:

– В самом деле, я просто не знаю... Тут всякое можно предположить...

– Судебный следователь тоже так думал, сударь, – заметил папаша Жак, – и велел основательно исследовать матрас. Ему самому пришлось посмеяться над своей идеей, вот как сейчас смеется ваш друг, потому что ведь в матрасе-то никакого двойного дна нет! Да что говорить, если бы в матрасе был человек, мы бы его увидели!..

Тут я тоже решил над собой посмеяться, хотя только потом уже понял, какую нелепую вещь я сказал. Но где начало и где конец нелепости в таком деле? Пожалуй, один только мой друг способен был ответить на этот вопрос, да и то!..

– Послушайте! – воскликнул репортер, все еще ползая под кроватью. – Этот коврик хорошо вытрясли?

– Мы сами его отворачивали, сударь, – объяснил папаша Жак. – Когда не нашли убийцу, мы подумали, а нет ли дыры в полу...

– Дыры нет, – ответил Рультабий. – А погреба?

– Нет, погреба тоже нет... Но это не остановило нас, мы все равно продолжали искать, а судебный следователь и в особенности его секретарь исследовали пол доску за доской, словно искали под ними подвал.

Тут репортер вылез из-под кровати. Глаза его блестели, ноздри вздрагивали, он был похож на молодого зверя, вернувшегося с удачной охоты... И что самое смешное – он так и остался стоять на четвереньках. Поистине я не мог найти для него лучшего сравнения: великолепный хищник, который идет по следу необыкновенной дичи... А он и в самом деле как будто принюхивался к следам человека, того самого человека, которого поклялся заполучить

для своего хозяина, господина директора «Эпок», ибо не следует забывать, что наш Жозеф Рультабий был журналистом!

И так, на четвереньках, он рыскал по всем четырем углам комнаты, обнюхивая, разглядывая, исследуя все, что мы видели, а это была такая малость... Ведь то, что недоступно было нашему взору, похоже, и имело первостепенное значение.

Туалетный столик был самым обыкновенным столом на четырех ножках, и трудно было вообразить, будто он мог послужить тайником даже на краткое время... И никакого шкафа... Мадемуазель Станжерсон хранила свою одежду в замке.

Рультабий водил руками и носом вдоль стен, *сложенных из толстого кирпича*. Покончив со стенами, он стал ощупывать ловкими пальцами поверхность желтых обоев, потом добрался и до потолка – чтобы достать до него, ему пришлось взобраться на стул, поставленный на туалетный столик; так на этой хитроумной лесенке он облазил всю комнату; покончив с потолком, на котором он внимательно изучил след от другой пули, Рультабий подошел к окну и так же внимательно оглядел прутья решетки и ставни, удостоверившись, что они были крепкими и никто к ним не прикасался. Наконец он *с удовлетворением* сказал «уф» и добавил, что *«теперь он спокоен»*.

– Вы только представьте себе: нашу бедную, дорогую мадемуазель убивали, а она была заперта! И звала нас на помощь!.. – простонал папаша Жак.

– Да, – молвил юный репортер, вытирая лоб, – это верно: *Желтая комната, ей-богу, была заперта, словно сейф*.

– Вот именно, – подхватил я, – эта тайна самая удивительная из всех, какие я знаю даже в области воображения. В «Убийстве на улице Морг», например, Эдгар По не смог придумать ничего подобного. Правда, место преступления тоже было достаточно замкнуто, и человек не мог убежать оттуда, но зато было окно, в которое могла проскользнуть обезьяна, повинная в этом двойном убийстве⁹. Однако здесь-то ведь и речи нет ни о каком отверстии. При закрытой двери и закрытых ставнях, в чем мы убедились, да еще при закрытом окне, в чем мы тоже не преминули удостовериться, и *муха не могла пролететь ни туда, ни обратно!*

– Правда, правда! – соглашался Рультабий, все еще вытирая лоб, не просыхавший от пота, который катился, видимо, не столько от недавних физических усилий, сколько от крайнего умственного напряжения. – Правда! Это великая и прекрасная и очень любопытная тайна!..

– Божья тварь, – проворчал папаша Жак, – да-да. Божья тварь и та, соверши она преступление, не смогла бы ускользнуть отсюда... Да вот она! Слышите?.. Тише!.. – Папаша Жак подавал нам знаки, чтобы мы молчали, а сам, протянув руку к стене в направлении ближайшего леса, прислушивался к чему-то. – Ушла, – сказал он в конце концов. – Придется ее убить... Очень уж она зловещая, эта тварь... хотя ничего не скажешь – Божья тварь и есть, она приходит по ночам на могилу святой Женевьевы, и никто не осмеливается трогать ее, все боятся, как бы матушка Молитва не рассердилась и не накликала беды...

– А большая она, эта Божья тварь?

– Да, почитай, с крупную таксу... чудище, доложу я вам. Я уж, грешным делом, думал: не она ли это вцепилась нашей бедной мадемуазель в горло... Только Божья тварь не носит башмаков, не умеет стрелять из револьвера, и у нее нет такой ручищи! – воскликнул папаша Жак, кивнув на отпечаток красной руки на стене. – Да и потом, ее-то мы тоже должны были увидеть, и она тоже была бы заперта в комнате и во флигеле точно так же, как человек!..

– Разумеется, – сказал я. – Раньше, прежде чем я увидел Желтую комнату, мне тоже казалось: а не кот ли это матушки Молитвы?..

⁹ Конан Дойл описывает подобную тайну, если можно так выразиться, в новелле «Пестрая лента». В закрытой комнате совершено ужасное преступление. Что случилось с тем, кто его совершил? Шерлок Холмс не замедлил обнаружить преступника, ибо в комнате было вентиляционное отверстие размером с монету в сто су, но его оказалось достаточно, чтобы туда могла проникнуть «пестрая лента», или змея-убийца. (Примеч. авт.)

– И вам тоже! – воскликнул Рультабий.

– А вам? – спросил я.

– Мне – нет. Конечно, нет... Как только я прочел статью в «Матен», я сразу понял, что ни о каком животном и речи быть не может! А теперь готов поклясться, что здесь произошла ужасная трагедия... Однако, папаша Жак, вы ничего не говорите ни о найденном берете, ни о носовом платке.

– А что говорить-то? Следователь их забрал, – нерешительно произнес тот.

Репортер очень серьезно заметил:

– Лично я не видел ни платка, ни берета и все-таки могу сказать, какие они на вид.

– Ну и хитрец же вы...

Папаша Жак смущенно кашлянул.

– Платок – большой, синий, в красную полоску, а берет – старый баскский берет, в точности такой же, как этот, – добавил Рультабий, показывая на головной убор папаши Жака.

– И верно... Да вы, я вижу, кудесник. – Папаша Жак попытался рассмеяться, но у него ничего не вышло. – Откуда вы знаете, что платок был синий в красную полоску?

– Потому что если бы он не был синим в красную полоску, то его вообще бы не нашли!

Не обращая более внимания на папашу Жака, мой друг достал из кармана кусок белой бумаги, взял ножницы и, склонившись над следами на полу, приложил свою бумагу к одному из них и начал вырезать.

Таким образом получился бумажный след с четкими контурами, который он затем передал мне с просьбой не потерять.

Потом он вернулся к окну и, показав папаше Жаку на Фредерика Ларсана, который все еще бродил по берегу пруда, спросил с беспокойством, не приходил ли полицейский сюда и не работал ли в Желтой комнате.

– Нет! – ответил господин Робер Дарзак, который не проронил ни слова с тех самых пор, как Рультабий отдал ему клочок обгоревшей бумаги. – Он уверяет, что ему вовсе не обязательно осматривать Желтую комнату, что убийца вышел из Желтой комнаты самым естественным образом и что он все объяснит сегодня вечером!

Услышав слова господина Робера Дарзака, Рультабий – вещь поразительная – побледнел.

– Неужели Фредерик Ларсан уже докопался до истины, которую я еще только предчувствую! – прошептал он. – Фредерик Ларсан свое дело знает, хорошо знает, и я восхищаюсь им... Но сегодня речь идет не только об этом. Дело делом, а тут надо превзойти самого себя... *превзойти то, чему учит опыт. Прежде всего надо быть логичным*, и не просто логичным, а уподобиться самому Господу Богу, когда он, следуя логике, заявил: $2 + 2 = 4$! РЕЧЬ ИДЕТ О ТОМ, ЧТОБЫ РАССУЖДАТЬ ЗДРАВО, А ГЛАВНОЕ – НАЧАТЬ С НУЖНОГО КОНЦА!

И репортер опрометью бросился вон из флигеля, совсем потеряв голову при мысли, что великий, прославленный Фред раньше его может найти разгадку тайны Желтой комнаты!

Однако мне удалось догнать его на пороге.

– Да будет вам, успокойтесь, – сказал я. – Вы чем-то недовольны?

– Напротив, – признался он со вздохом, – *я очень доволен*. Я обнаружил много разных вещей...

– Морального порядка или материального?

– Кое-что морального, а есть и вполне материальная вещь. Вот смотрите. – И он поспешно извлек из кармана жилета сложенный вдвое листок бумаги, который, должно быть, сунул туда во время своей экспедиции под кровать, и, раскрыв его, показал мне *женский белокурый волос*.

Глава VIII

Судебный следователь допрашивает мадемуазель Станжерсон

Не прошло и пяти минут, как Жозеф Рультабий уже склонился над следами, обнаруженными в парке, под самыми окнами прихожей, но тут мы увидели человека, должно быть слугу из замка, который торопливо шел к нам и кричал господину Роберу Дарзаку, спускавшемуся по ступенькам флигеля:

– Вы знаете, господин Робер, судебный следователь допрашивает сейчас мадемуазель!

Наспех извинившись перед нами, господин Робер Дарзак бегом бросился к замку, слуга последовал за ним.

– Это любопытно, – заметил я. – Когда убитый начинает говорить...

– Надо все разузнать, – оживился мой друг. – Пойдемте в замок. – И он увлек меня за собой.

Однако в замке путь нам преградил жандарм, стоявший на страже у входа на лестницу, ведущую на второй этаж. Нам ничего не оставалось, как ждать.

А тем временем в комнате жертвы происходило следующее. Семейный врач, отметив значительное улучшение состояния мадемуазель Станжерсон, но опасаясь все-таки возможности рокового исхода, счел своим долгом предупредить об этом судебного следователя, а тот не замедлил воспользоваться случаем и... провел короткий допрос. На этом допросе присутствовали господин де Марке, секретарь, господин Станжерсон, врач. Позднее, во время судебного разбирательства, мне удалось раздобыть запись этого допроса. Вот она, со всей присущей любому допросу юридической сухостью.

Вопрос: Постараюсь не слишком утомлять вас, мадемуазель, но хотелось бы знать, в состоянии ли вы сообщить нам кое-какие необходимые сведения относительно ужасного покушения, жертвой которого вы стали?

Мадемуазель Станжерсон: Чувствую я себя гораздо лучше, сударь, и попробую рассказать вам все, что знаю. Когда я вошла в свою комнату, я не заметила ничего особенного.

Вопрос: Простите, мадемуазель, если позволите, я буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать на них. Это меньше утомит вас, чем долгий рассказ.

Мадемуазель Станжерсон: Прошу вас, сударь.

Вопрос: Что вы делали в течение дня? Я желал бы знать это с предельной точностью, со всеми мельчайшими подробностями. Мне хотелось бы проследить за каждым вашим жестом в тот день, если, конечно, вы сочтете это возможным.

Мадемуазель Станжерсон: Встала я поздно, в десять часов, так как мы с отцом вернулись глубокой ночью, нам пришлось присутствовать на обеде и на приеме, которые давал президент республики в честь делегатов филладельфийской Академии наук. Когда в половине одиннадцатого я вышла из комнаты, отец уже работал в лаборатории. Вместе с ним мы работали до полудня, затем совершили получасовую прогулку в парк, обедали мы в замке. Затем, как обычно, получасовая прогулка до половины второго. После этого мы с отцом вернулись в лабораторию. Там мы встретили горничную, только что закончившую убирать мою комнату. Я вхожу в Желтую комнату, чтобы отдать горничной кое-какие незначительные распоряжения, она сразу же уходит из флигеля, а я возвращаюсь к отцу работать. В пять часов мы выходим из флигеля на новую прогулку, потомпьем чай.

Вопрос: Прежде чем выйти в пять часов, вы заходили в вашу комнату?

Мадемуазель Станжерсон: Нет, сударь, в комнату заходил по моей просьбе отец, чтобы захватить мою шляпу.

Вопрос: И он не заметил ничего подозрительного? *Мадемуазель Станжерсон:* Разумеется, нет, сударь. *Вопрос:* В общем, насколько я понимаю, можно считать, что в этот момент убийцы под кроватью еще не было. Когда вы ушли, то дверь в комнату осталась незапертой?

Мадемуазель Станжерсон: Да. У нас не было никаких причин запирать ее...

Вопрос: Сколько времени вы и господин Станжерсон отсутствовали на этот раз?

Мадемуазель Станжерсон: Около часа.

Вопрос: Именно в этот час убийца, несомненно, и проник во флигель. Но каким образом? Мы не знаем. В парке обнаружены следы, *идущие от окна* прихожей, но нет ни малейшего намека на следы, *ведущие к окну*. Вы не заметили, случайно, когда уходили со своим отцом, окно в прихожей было открыто?

Мадемуазель Станжерсон: Я не помню.

Господин Станжерсон: Оно было закрыто.

Вопрос: А когда вернулись?

Мадемуазель Станжерсон: Я не обратила внимания.

Господин Станжерсон: Оно по-прежнему было закрыто, я это отлично помню, потому что по возвращении громко сказал: «Неужели за время нашего отсутствия папаша Жак не мог открыть окно?...»

Вопрос: Странно! Странно! Припомните, господин Станжерсон, ведь во время вашего отсутствия, по словам папаша Жака, он, прежде чем уйти, открыл окно. Итак, стало быть, вы вернулись в шесть часов в лабораторию и снова принялись за работу?

Мадемуазель Станжерсон: Да, сударь.

Вопрос: И с этой минуты вы уже не покидали лабораторию до тех пор, пока совсем не ушли к себе в комнату?

Господин Станжерсон: Ни моя дочь, ни я, сударь. У нас была такая срочная работа, что мы не могли терять ни секунды. Потому-то мы и не обращали ни на что внимания.

Вопрос: Ужинали вы в лаборатории?

Мадемуазель Станжерсон: Да, по той же причине.

Вопрос: Для вас обычное дело – ужинать в лаборатории?

Мадемуазель Станжерсон: Нет, ужинаем мы там редко.

Вопрос: Убийца не мог знать, что вы собирались в тот вечер ужинать в лаборатории?

Господин Станжерсон: Боже мой, сударь, думаю – нет... Я решил, вернее, мы с дочерью решили поужинать в лаборатории, когда возвращались около шести часов во флигель. В этот момент к нам подошел лесник, он задержал меня на минутку и попросил срочно пойти с ним осмотреть лес, который я велел срубить. У меня не было времени, и я отложил это дело назавтра, а так как лесник шел в замок, я попросил его передать метрдетелю, что мы будем ужинать в лаборатории. Лесник отправился исполнять мое поручение, а я пошел к дочери, которой отдал ключ от флигеля: она оставила его в двери. Когда я вернулся, дочь уже работала.

Вопрос: Мадемуазель, в котором часу вы ушли в свою комнату, когда ваш отец оставался еще работать?

Мадемуазель Станжерсон: В полночь.

Вопрос: В течение вечера папаша Жак заходил в Желтую комнату?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.